

 НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей КРУЗ

ТЕ, КТО ВЫЖИЛ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Круз, Андрей.

К84 Тё, кто выжил / Андрей Круз. — Москва : Эксмо, 2022. —
576 с.

ISBN 978-5-04-161750-9

Его путь еще не закончен. После Апокалипсиса, через Атлантический океан и Европу, наполненную живыми мертвецами, мародерами и работягами, он пробирается домой, к семье.

Человек способен выжить в любых условиях на Земле, рано или поздно нежить будет побеждена, какую тогда роль займет человек? Кем он станет в самом конце?

Традиционный боевик от мастера жанра. Заключительный роман цикла «Я! Еду! Домой!».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161750-9

© Круз А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

5 мая, суббота, середина дня
Северная Атлантика, южнее Пласентиа
Бэй, полуостров Ньюфаундленд

«Проныра» — массивная и с виду неуклюжая круизная яхта-траулер восьмидесяти футов в длину — неторопливо и солидно резала высоким форштевнем серо-зеленую океанскую воду, двигаясь параллельно канадскому берегу и находясь сейчас примерно на траверзе Ньюфаундленда, его самой восточной оконечности. Штурвал крутил сейчас я, а наш самый опытный мореплаватель — молоденькая голландская художница Хендрике, отзывающаяся преимущественно на краткую версию своего имени, звучащую как Дрика, — спала в каюте после восьмичасовой вахты. За подвахтенного у меня был ветеран вьетнамской войны и бывший водитель грузовика Сэм, на редкость бодрый и решительный старикан, присоединившийся к нам в Техасе. Сейчас он засел в машинном отделении судна, разбираясь в руководстве по эксплуатации судового дизеля. Ну и правильно, он тут один, дизель в смысле, и случись поломка — нам хана, без вариантов. Спасать нас никто не бросится, потому что никого не осталось. Умер весь мир вообще-то, вместе со всеми спасателями. А дизель «Проныры», со слов все того же Сэма, от дизеля грузовика отличался мало, так что должен он с этим железом совладать.

Пустота, кругом пустота. Но эта пустота спокойная, это не та мертвая страна, которую мы оставили позади, это просто океан, который мы неторопливо пересекаем со скоростью восемь узлов. Восемь узлов — восемь морских миль в час, совсем не быстро, это не на машине и не на самолете. Прикидочно получается, что нам в океане недели три болтаться. Даже и не знаю, хорошо это или плохо. Если погода будет такая, как сейчас, когда ветер гонит мелкую волну, а небо ясное до самого горизонта, то и хорошо,

пожалуй: отдых получается. Хороший такой отдых, сдобренный рыбалкой. Ни зомби вокруг, ни зомбированных мутантов, ни бандитов — вообще никого. Мелькнула было смешная мысль о пиратах, да кто теперь пиратствовать будет, если все судоходство замерло?

Видели мы, правда, несколько рыболовных траулеров вчера — видать, ньюфаундлендские рыбаки на промысел вышли, но они на нас внимания не обратили, равно как и мы на них. Заметили, да и все, у всех свои дела и свои пути, всем удачи.

Итак, восемь узлов. А между тем тысяча миль морских уже позади, уже пройдена, растаяла пенным следом за округлой кормой «Проныры». Топлива даже меньше трагитим, чем ожидали, — идем с теплым океанским течением Гольфстрим, которое несет нас почти что туда, куда нам и нужно. Такое дело очень радует, да и движемся с опережением графика, пока в пути всего пятеро суток. Это именно мы восемь узлов даем, а ведь у течения тоже своя скорость имеется.

Впереди, если все пойдет по плану, Амстердам. В Амстердаме нам надо высадить Дрику. Не просто высадить, естественно, а для начала узнать, где ее мать, к которой она едет. И что там вообще в Амстердаме делается, не превратился ли этот старый город на каналах в подобие покинутого нами недавно Нью-Йорка. Если город в норме и мать найдем — расстанемся. Если нет, о чем думать не хочется, — будем думать дальше. Придумаем что-нибудь, это дело понятное. Пока придумывали, по крайней мере.

Путь нашей лодки предварительно был проложен на британский Плимут, откуда мы намеревались свернуть в Ла-Манш, или Канал, как называют пролив англичане. Хотелось взглянуть с борта и на британский берег, и на французский, понять, во что вылилось нашествие мертвецов для Европы. Очень уж слабая надежда была на ее выживание, если откровенно. Тут и скученность, и невооруженность населения, и либеральные правительства, и маленькие слабые армии — все против них. Никакого просвета, если честно.

Вспоминалась маленькая Швейцария, где каждый военно-обязан и хранит дома автомат, но и этого, как мне кажется, совсем недостаточно. Что взять с населения страны, не воевавшей ни с кем сотни лет и всегда старавшейся держаться подальше от любой заварухи?

Не знаю, не знаю. Вот не верится в счастливый исход — и все тут. Впрочем, нам в Швейцарию точно не по пути. Берег французский, берег бельгийский, а следом за ним — голландский. Все, первый пункт нашего путешествия будет достигнут, можно радоваться.

Сэм... Сэм до сих пор не сказал о своих планах. Сойдет на берег в Голландии или пойдет дальше со мной, до самого Питера, — пока ни гу-гу. Ну я и не настаиваю: придет время — скажет. Может, он и сам пока не решил и присоединился к нам лишь потому, что ему было нечего делать.

Коту, прибавшемуся к нам еще в Аризоне, все равно, как мне кажется. Он спит сейчас прямо у меня за спиной, на диванчике, предназначенном для отдыха подвахтенного. При этом он меня сменять на посту не собирается, так что занимает его без всякого на то права — узурпировал, можно сказать. Но тут ничего не поделаешь, все их кошачье племя такое.

Топлива нам до Питера не хватит — там еще полторы тысячи миль ходу, маршрут извилистый, но подозреваю, что в Европе им можно будет где-нибудь разжиться, в каком-нибудь порту или марине — взять да и слить. Проходили мы уже это дело, разобрались, как надо действовать. А вот что там, в Питере... этого не знаю и представлять боюсь. На ум опять приходит недавно покинутый Нью-Йорк — гигантский мертвый город, разлагающийся, как труп, каким он, в сущности, и является.

В Питере флот. Если точнее, то в Кронштадте, но флот — это уже всерьез. Думаю, что Кронштадт отобьют и беспредельничать у берегов не дадут. Надеюсь на это, по крайней мере, — что мне еще остается. Есть еще Калининград неподалеку, как запасной вариант. А чем плохо? В любом случае если доберусь до русских берегов — дальше справлюсь. У меня и мотоцикл есть, эндуро, вон прямо рядом со

шлюпкой стоит, замотанный в пластиковый чехол, у меня и оружия полно, и патронов — всего с запасом. Разберусь. Или разберемся, это уже как сложится.

Надеешься на то, надеешься на это, и все эти надежды и есть единственный способ прогнозировать события. Нет телевидения, нет интернета, нет радио — ничего нет. Все наугад. И наугад, самое главное, то, за что я все время норовлю найти себе как можно больше проблем: семья. Где они? Что с ними? Все ли в порядке? Это то, что не дает нормально спать, что посылает плохие сны, что заставляет думать о чем угодно — лишь бы не думать о главном. Жена. Дети. В общем, те люди, что составляют сам смысл моей жизни, без них она лишена какой-либо мотивации. Нет их — зачем жить самому?

Но в моей надежде на лучшее нет ничего иррационального. У них был, как говорят американцы, *head start*, говоря по-нашему — фора. Они были за городом, когда пришла Беда, они были в крепком большом доме с запасами еды и воды, и самое главное — у них было оружие. Не мой нынешний арсенал, естественно, но два новых и добротных дробовика с несколькими сотнями патронов — на тот момент настоящее сокровище. А еще с ними был брат жены, Володя, человек большой, сильный, отслуживший и на диво оборотистый, у которого к тому же была на попечении беременная Настя, так что еще и стимул шевелиться. Позже я узнал — связь тогда еще была, — что ему удалось разжиться у военных, которые начали раздавать оружие на заправках вокруг Москвы, еще и ППШ¹, и двумя пистолетами ТТ, и целым цинком патронов. В общем, должны были устроиться в безопасности, на мой взгляд, тем более что в поселке — мы жили за городом — было еще немало людей.

А пока... а пока надо добраться до страны под названием Королевство Нидерландов — это задача-минимум. Туда мы и идем. Ползет отметка на карт-плоттере, рассечен прямой

¹ Пистолет-пулемет Шпагина.

линией нашего курса экран навигатора, радар «Фуруно» честно демонстрирует почти пустой экран — нет в океане никого настолько большого, чтобы обозначать себя метками. Пустота, как я уже сказал.

Сзади послышались шаги, в рубку вошел Сэм, на ходу вытирая руки полотенцем.

— А что ты здесь, а не наверху? — вроде как удивился он. — Погода прекрасная, да, сэр, загорал бы.

Над головой еще одна рубка, открытая — специально для тех, кто желает принимать солнечные ванны, так сказать. Называется «летучий мостик».

— Неохота, — покачал я головой. — Здесь кресла мягче.

Действительно, вдоль панели управления выстроились в ряд три невероятно удобных вращающихся кресла, обтянутых кожей сливочного цвета. Сядешь — и встать неохота. Наверху сиденья виниловые, жестче будут, нет такой благодати для седалища.

Сэм взглянул на часы, сказал:

— До вахты полтора часа еще, спиннинг заброшу.

— Ага, давай, — кивнул я. — Тунец хороший не помещал бы.

После «консервной и сухпайковой диеты», которой мы вынуждены были придерживаться во время нашего путешествия через Америку большинство времени, возможность ловить рыбу была прямо праздником как для души, так и для желудка. Первый выловленный тунец, большой, обтекаемый, толстый, одарил нас несколькими килограммами суховатого и плотного темно-красного мяса, превратившегося на сковородке в такие же плотные, только уже сероватые стейки, на удивление вкусные. Следующая попытка рыбачить почти сразу же завершилась следующим тунцом, а сейчас Сэм рассчитывал выловить уже третьего. Ну, удачи.

Оставив лодку на попечение автопилота, пошел на кухню, которую язык никак не поворачивался называть камбузом — очень уж шикарно она выглядела, у меня такой и в доме подмосковном не было, пожалуй. Налил воды в чайник, включил. Надо же, тут у нас опять все блага ци-

визации появились — и душ горячий, и электричество в сети, и даже кондиционер есть, который никто не включает, правда: и так свежо, — и топливо экономится.

Вот почему Москва не на берегу моря, да еще какого-нибудь теплого? Так бы туда и дошел, с комфортом и горячим душем. Ну и кондиционером, пусть и выключенным, разумеется. И жить вполне можно на борту «Проныры», причем очень неплохо жить. Интересно, люди где-нибудь пришли к идее селиться на борту, например, больших круизных судов? Там и генераторы большие, и кают много, и охранять от вторжения такое место легко. Ладно, увидим, чего сейчас гадать.

Москва — порт пяти морей. Ха-ха. Каналы, шлюзы — кто там кого теперь пропускать будет? Всю жизнь мечтал жить где-нибудь у моря, да так и не получилось. Может быть, все же теперь с семьей куда-нибудь в подобное место перебраться? А куда? В Питер? Так там непонятно что есть придется: места-то не слишком сельскохозяйственные, Поволжье этот самый Питер кроет как кит воблу с таких позиций. А позиция «пожрать» — она куда как сильная в любом планировании, базовая, можно сказать.

Ладно, все равно пока проблема в том, чтобы добраться. Доберусь — и видно будет, там придумаю.

Чайник быстро вскипел, щелкнув выключателем, кипяток тугой парящей струей полился в кружку, быстро окрашиваясь от болтавшегося там чайного пакетика. Две ложки бурого тростникового сахара — и можно обратно на мостик, смотреть на пустынный горизонт Атлантического океана.

10 мая, четверг, утро

Северная Атлантика, где-то в самой середине

Дни тянулись за днями, мили за милями, и ничего, абсолютно ничего не происходило. Даже пейзаж не менялся. Погода радовала до последнего дня. Легкий ветерок, к тому же еще и попутный, небольшая волна, которой даже не под

силу было сколь-нибудь заметно раскатать «Проныру», приглушенный гул дизеля — его уже перестали замечать. Все в штатном режиме. Даже режим вахт нарушился — мы обнаружили, что так жить скучновато, и менялись уже «творчески», выгадывая время так, чтобы можно было хотя бы всем вместе за стол сесть, пообщаться.

По ощущениям, как ни странно, это все напоминало отдых на даче, особенно после того, как я нашел в кухонном ящике газовый гриль и начал на нем жарить вполне пристойный шашлык из неизменного тунца — только он у нас и ловился почему-то.

Утро же четверга встретило нас не так ласково, как раньше. Ветер стал резче, холоднее, а горизонт к юго-востоку заметно потемнел.

— Похоже на шторм, — сказал Сэм, при этом не открыв мне ничего нового: я сам как раз об этом и думал.

— Похоже, — согласился я с ним. — Очень похоже. Что делаем?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Попробуем взять северней? К северу, да и прямо по курсу небо пока чистое.

— Давай, — вздохнул я, склонившись над карт-плоттером и внося поправки в курс. — Не думаю, что получится придумать что-то умнее.

Дрика, стоявшая рядом с нами, хоть и была самым опытным из всех мореплавателем, лишь качала головой. Ее опыт тоже измерялся несколькими поездками на яхте ее дяди, так что все мы представляли прекрасный образец дилетантов, взявшихся не за свое дело. Единственное, что я помнил про штормы, так то, что судно все время надо стараться держать носом к волне. Что делать, если волна идет с той стороны, куда тебе категорически не надо, я не знал. И похоже, что этого не знал никто из нас.

Несколько следующих часов прошли в тревожном ожидании. Горизонт темнел, становилось пасмурно, ветрено, волна пошла частая и резкая, с заметным плеском колотящаяся в скулу «Проныры». Стало прохладно, все натянули штормовки.

К середине дня стало ясно, что идея с отклонением от курса была не слишком продуктивной: шторм шел к нам по диагонали, зато очень широким фронтом, так что обойти, похоже, его никак не получалось. Надо было просто поворачивать назад, чтобы его избежать, но такую идею даже рассматривать никто не собирался. Да и догонит ведь наверняка.

— Значит, так, — сказал я, почесав в затылке, — надо закрепить все, что у нас не закреплено. Это я точно помню, из детских книг. А потом еще раз проверить, точно ли закреплено все, чтобы не обнаружить, что потом мотоцикл, скажем, нырнул в воду. Дрика, давай тогда ты на штурвал, а мы с Сэмом займемся осмотром хозяйства.

Авральные работы у нас прошли за час примерно, убрали и закрепили все, что могло стронуться с места. Затем собрались в рубке, куда перевели управление с «летучего мостика». В отличие от мостика, здесь было тепло и даже качало немного меньше — мы находились ниже. Захлопнулась дверь на палубу, окончательно отделив нас от непогоды. Вместе с тем ветер становился все резче, волна — выше, с гребней начало срывать брызги, попадающие на стекла, — приходилось включать стеклоочистители. Вставшая за штурвал Дрика сменила курс, развернув «Проныру» курсом к волне, — бортовая качка стала слишком чувствительна, а шторм даже еще не начался.

— От маршрута отклоняемся, — сокрушенно вздохнул Сэм, увидев, как на экране навигатора к синей линии курса добавилась еще и красная, тянувшаяся от стрелки, обозначающей положение судна. И красная отодвигалась от синей все дальше и дальше.

— Выбора нет, — сказала Дрика. — Это единственный курс, которым мы сейчас можем идти.

— И куда он нас ведет?

Я потыкал пальцами в стрелки масштабирования картплоттера, затем ответил Сэму:

— Куда-то на стык Испании и Португалии. Не так все страшно — места обитаемые, разберемся, что там к чему.

Он только хмыкнул в ответ, затем сказал:

— Хорошо, что вчера сообразили все топливо из бочек в танк перекачать. Похоже, расход у нас резко подскочит.

Темный край неба наводил меня на схожие мысли. Мало того что наш курс будет против волн и ветра, так он еще выйдет из течения Гольфстрима, скорость должна упасть сильно. Хорошо бы, до берега солярки хватило. Должно хватить. Надеюсь.

О том, что ждет нас впереди, думать не хотелось. Сводок погоды давно уже никто не передавал, и мы ни малейшего понятия не имели, что за шторм идет нам навстречу. А у «Проныры» был свой предел мореходным способностям, и если то, что нас ждет, в этот лимит не укладывается... можно даже не продолжать.

Было страшно, но как-то умеренно страшно, с примесью фатализма: чему быть — того уж точно не миновать. А глядишь, еще и миновать удастся. Весь наш поход слишком смахивает на авантюру — трудно удивляться очередной опасности.

10 мая, четверг, день

Северная Атлантика, где-то в самой середине

Килевая качка все усиливалась и усиливалась, но пока «Проныра» с ней справлялся. К счастью нашему, шторм, идущий с юго-востока, пока был умеренным. Будь мы на борту упущенного нами в Хьюстоне контейнеровоза «Алисия», например, мы его, возможно, особо и не ощущали бы, но наш восьмидесятифутовый траулер болтало изрядно. Он то с усилием карабкался на идущий навстречу пологий водяной холм, то срывался по его обратному склону вниз, скользя как большой неуклюжий серфер. В самой нижней точке его высокий форштевень выбивал целое облако брызг, летевших навстречу, в стекло рубки, по которому размеренно сновали туда-сюда длинные щетки.

Дрику сменил я, но она далеко не ушла — сидела в соседнем кресле, попивая минералку с лимонным соком. К сча-

стью, пока морская болезнь никого не одолела, и причина этого была понятна — никто не уходил в каюты, все смотрели вперед. Укачивает обычно того, кто не видит идущей навстречу волны и чей организм воспринимает каждый прыжок или провал как сюрприз, выжимая из вестибулярного аппарата все возможности. Не поможет такой способ — есть и другой: алкоголь в умеренных дозах. Так вроде нельзя, но, учитывая, что присматривать за нами некому, то по чуть-чуть даже можно. Если подопрет.

— Надолго это, интересно? — спросил Сэм, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Может быть, до самой Европы, — пожал я плечами. — Это же не ураган, как в Техасе, это просто непогода, а она бывает и по несколько дней подряд. Сам знаешь.

— Знаю, да, сэр, — мрачно согласился он.

— У нас так бывает недели по две или три, — добавила Дрика. — Дождь, ветер, хоть вообще из дома не выходи. Нормальная погода.

12 мая, суббота, день
Северная Атлантика

Шторм не успокаивался уже два дня и постепенно начал всех нас выматывать. Спать как-то толком не получалось — мешала качка, заявляла о себе морская болезнь, стоило только лечь. Даже алкоголь помогал временно, пока «доза работала». Отдыхали в креслах на мостике, сменяли друг друга у штурвала по просьбе «дать отдохнуть». Лица у всех бледные, под глазами синяки. Но как-то пока справлялись. Один кот почти никак не реагировал на качку, разве что удивительно много спал — даже для него сверх нормы, хотя обычно Тигр старался посвящать этому полезному занятию все свободное время, не занятое едой.

Волны катились навстречу большими, пугающими серо-зелеными холмами, брызгающими пеной со своих вершин. В небе ни единого просвета, сплошные тяжелые, цвета свинца, тучи, дождь поливает как из душа, навстречу,

превращая изображение в стекле рубки в подобие картины авангардного художника, всеми силами избегающего четких линий и очертаний, — все плывет, все размазывается, все теряет свою форму. И в голове подобная картина — называется утомление.

18 мая, пятница, день
Северная Атлантика

Больше недели непогоды добивало всех. Наш крошечный экипаж дошел до последней стадии вымотанности, но шторм все не утихал. Вместе с тем морская болезнь немного отступила — организм адаптировался, а дикая усталость вроде даже наладила сон. Опять назначили вахты так, как и положено, — циклически, вахтенный, подвахтенный, отдыхающий, — по четыре часа. Отдыхающий удалялся в нашу единственную неразгромленную каюту, а подвахтенный пытался уснуть на диване в рубке.

Радар упорно показывал отсутствие какого-либо движения в океане: ни судов, ни лодок — ничего. Пустота, только одни мы, пробирающиеся меж уверенно катящихся куда-то к северо-западу водяных валов. Наш курс упорно вел вдале от главной цели — входа в Ла-Манш, — мы шли навстречу волне и отворачивать не собирались. Нельзя нам было отворачивать: потонем к чертовой матери с нашими умениями.

Запасы топлива таяли предсказуемо быстро, все получилось именно так, как я и рассчитывал: непогода порушила все наши планы. Но это как раз расстраивало меньше всего — мы все равно приближались к Европе, а Европа — это такое место, где люди всегда жили очень плотно, и побережье тоже не пустовало. Найдем способ добраться туда, куда нам надо, — нам бы под ногами твердую землю ощутить, а уж потом... для твердой воли нет преград.

Хуже другое: оптимальный курс упирался в воронку Кадизского залива, и вот это напрягало. Направление волн давало нам некий простор для отклонения к югу, но тогда мы

упирались в Африку, и уж она нам нужна была меньше всего на свете. Отклоняться же к северу толком не получалось — мы разворачивались так, что волна била бы нам в правую скулу, и к чему это приведет... Мы хоть и на судне, а маневрируем как на плоту — нет у нас умений для большего, идем как несет, как получается. А получается в Кадизский залив.

24 мая, четверг, ночь
Средиземное море, побережье Андалусии

Волны в заливе короче океанских, какие-то резкие и суматошные. Задавленная было морская болезнь возродилась в нас всех с новой силой: амплитуда качки сменилась. Я принял волевое решение приступить к лечению алкоголем, и это предсказуемо помогло. Заодно и страх навалился, потому что, когда опустилась ночь, мы были у самого Гибралтарского пролива. И там на радаре впервые увидели как очертание берегов, так и большое судно. Судно пронеслось мимо нас, влекомое волнами, — немалых размеров сухогруз, лишенный экипажа, полузатопленный, с волнами, перекатывающимися через палубу: видать, сорвало откуда-то с рейда.

На нашем левом траверзе находился большой испанский порт Альхесирас, но зайти в него не смогли — как только волны стали бить в борт, качка усилилась настолько, что пришлось держаться за что попало, чтобы устоять на ногах. Мы были как человек, который никогда не видел льда и теперь, разогнавшись по гололеду, не мог повернуть туда, куда хотел, и был вынужден нестись прямо, надеясь остановиться где-нибудь и не упасть до этого момента. Наверное, бывалые моряки надорвали бы животы от смеха, наблюдая за нами, но мы бывалыми не были. Мы и моряками не были никогда, нам даже скромное звание дилетантов морского дела пока не грозило, и то, что мы вообще оказались в этом месте, можно отнести лишь на счет небывалого везения.

Но все же наша сверхосторожная тактика принесла свои плоды — после того как мы все же втолкнули себя в горловину пролива. Сразу же после Гибралтарской скалы с ее английской базой, с которой нас запросили по радио и которой мы просто не стали отвечать, утонувшей в ночи где-то на левом траверзе, волна пошла на убыль. Нет, штить вовсе не настал, было по-прежнему ветрено, но волны стали куда менее крутыми и высокими. Даже по сравнению с теми, через которые мы карабкались в океане, не говоря уже о заливе, где нас трепало, как цветок в проруби.

— Ты чувствуешь? — с затаенной радостью спросила Дрика, оглядываясь, хоть за стеклами рубки ничего не было видно. — Легче, да? Ты чувствуешь?

— Еще бы не чувствовать, — засмеялся я. — Кажется... боюсь сглазить, но, кажется, мы живем. И, кажется, мы дошли. Пусть в Испании, но мы все же в Европе, ты это понимаешь? Я буду двигаться к берегу, здесь вот сколько портов... — Я потыкал пальцем в экран. — Как раз к рассвету доберемся примерно в этот район. И к волне бортом поворачиваться не надо, разве что так... чуть-чуть.

Направление ветра и волн тоже сменилось на куда более выгодное для нас. Пусть «Проныру» еще качало, пусть из-под форштевня летели брызги, пусть вся наша информация об окружающем мире поступала с экрана радара и навигатора, потому что видно не было ничего — ни луны, ни звезд, — но мы были совсем близко от берега.

24 мая, четверг, утро
Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

Сначала мы увидели очертания гор, поднимавшихся словно бы из воды, прямо из волн. Смесь сочной зелени и серых скал под серым дождливым небом. Тучи нависали прямо на вершины, запутавшись в них, как шерсть в репейниках. Постепенно они росли, затем показались очертания светлых домов на их склонах и берегу моря, а потом мы

увидели маяк. Небольшой такой, аккуратный, белый в красную полосу маяк — вход в гавань. В гавань, за высоким бетонным молом которой виднелись очертания надстроек и мачт больших яхт, а за ними — белые дома. Красиво было, кстати, до изумления, вид как с открытки.

Перекинув рукоятку управления двигателем на «полный ход», Дрика, стоявшая сейчас за штурвалом, направила «Проныру» в створ между волноломами, ограждающими порт от волн и непогоды. Волна раскачала траулер, ставший к ней боком, и в какой-то момент показалось, что нас несет прямо на бетонную стену, Дрика даже заныла испуганно, выкручивая штурвал, но справилась. И после того как судно вошло в длинный проход, качка резко прекратилась. Вообще. Совсем.

Раздался дружный выдох, затем все заорали, засвистели, запрыгали. Есть. Все. Берег. Конец мытарствам. Что бы ни ждало нас впереди, но переход через океан остался за спиной. Мы справились. Мы выжили. Мы живы. И мы доберемся туда, куда нам нужно.

Быстро теряя ход, «Проныра» зашел в марину, и я присвистнул, глянув на нее. Куда там нью-йоркскому «Яхт-клубу Линкольна», из которого мы угнали свой траулер. Тот яхт-клуб выглядел прибежищем нищелюбов по сравнению с открывшимся нам великолепием марины Пуэрто-Бануса. Да и меньше был намного.

— Ни хрена же себе, — только и сумел я сказать, глядя на ряд яхт, выстроившихся вдоль самого дальнего пирса.

Другие пирсы тоже были заполнены лодками далеко не сиротского калибра. Если в своем порту «Проныра» стоял в самом последнем ряду, с самыми большими лодками, гордясь превосходством, то здесь ему место было бы где-то в середине, скромненько так.

Набережная с магазинами вроде «Армани» и «Луи Виттон», между магазинами — рестораны, бары... За ними — дома с роскошными пентхаусами. Ряды «Мерседесов», «Бентли» и «Феррари» на набережной. А между ними — мертвецы, сидящие, стоящие, бродящие.

— Хорошее место было, похоже, — сказал Сэм задумчиво и добавил свое привычное: — Да, сэр.

Длинные причалы, уходящие в воду перпендикулярно набережной, к нашей радости, были закрыты с той стороны массивными решетчатыми воротами, поэтому на них мертвецов не было. И к самому торцу одного такого мы и причалили — медленно, аккуратно, до конца даже не веря в свое счастье, в то, что мы дошли до другого материка, лежащего по другую сторону океана. Эх, домой бы позвонить, а? Вот прямо сейчас, отсюда, с мобильного... «Дорогая, угадай, где я сейчас?»

— Швартоваться не надо пока, я думаю, — сказал вдруг Сэм.

— Почему? — удивилась Дрика, как раз примеривающаяся со швартовкой к торцу длинного пирса.

— Мы все устали, — ответил он после небольшой паузы. — Да, сэр, я подыхаю от усталости, я уже старый. Надо лечь спать. Всем. А если пришвартуемся, то всем лечь не получится — нужен будет пост. Мертвец без сходен на борт не заберется, а вот «суперу» запрыгнуть — никаких проблем.

Разумно. Сам я чувствовал себя так, что заснуть мог стоя. А сидеть в кресле я уже пару суток как опасался — уснул бы наверняка. Ноги гудели от постоянного стояния, ступни отекали, с трудом умещаясь в обуви. К счастью, проблема швартовки оказалась небольшой — спустили лодку на воду и отвезли на ней тросы швартов к двум соседним пирсам, как бы «растянув» траулер между ними: и устойчиво, и не подберешься — никакой мутант не допрыгнет.

После того как дизель «Проныры» замолчал, наступила невероятная, какая-то даже неестественная тишина. Тихий плеск воды о борт — и все. Даже чаек не слышно: непогода. Я спустился из рубки в салон, открыл бар, вытащил оттуда бутылку шампанского «Баланже» и бутылку «Абсолюта» — так сказать, «начать и кончить». Затем выставил бокалы и рюмки, какими богата была кухня, притащил мельхиоровое ведерко со льдом.

Выставил все на стол. Подошла Дрика, быстро накрывшая еще и немудрящий завтрак. Последним пришел Сэм, сел тяжело на диван, откинувшись.

Содрав фольгу и размотав проволоку, хлопнул пробкой. В воздухе запахло вином, «Баланже» с шипением устремилось в бокалы, вскипая шапками пены и быстро опадая. Подняв свой бокал, я сказал:

— Вот и все. Мы дошли до Европы. Не совсем туда, куда планировали, но это уже мелочи, туда мы доберемся. Мы пересекли океан, хотя по нашему умению мы никак пересечь его были не должны. Я всех нас поздравляю.

Зазвенел хрусталь, все что-то сказали. Потом выпили. В голове сразу зашумело, волна легкой радости прошла по всему телу. Шампанское приговорили быстро. Потом пили водку, по-русски, рюмками, без всякого льда, закусывая оливками из банок. Выдули всю бутылку, неожиданно здорово опьянев: сил не было сопротивляться алкоголю. Да и хотелось напиться — для того я водку и притащил. Напиться в хлам хотелось, если честно, так что мы еще сдержанно себя вели. А потом все разбрелись спать, поручив охранять нас коту. Последнее, что я услышал, погружаясь в сон как в омут, — стук капель дождя по фибергласовому потолку рубки.

25 мая, пятница, утро
Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

— Не помню даже, когда мне в последний раз удавалось проспать ровно сутки.

Сэм искоса глянул на меня, усмехнулся, сказал:

— Не ты один. Я встал всего на час раньше тебя. А Дрика вообще решила не просыпаться.

— Пусть Тигр ее поцелует, — буркнул я, — принцессу спящую.

Я чувствовал себя переспавшим. Голова тяжелая, зевота раздрает челюсти, но при этом я все же отдохнул. Хорошо так отдохнул, по-настоящему, всерьез. Потер лицо руками

изо всех сил, стараясь «вернуться в кондицию», потряс головой, как лошадь, даже фыркнул, огляделся. Погода оставалась все той же — и не холодно совсем, но мокро и ветрено, и даже отсюда видно, как море штормит.

— Людей не видел? — спросил я.

— Нет, — покачал Сэм головой. — Одни мертвецы кругом. На нас слабо реагируют, разве что вон тот... — Он указал рукой на зомби, пытающегося трясти массивные ворота на входе на пирс.

— Тогда надо искать топливо, что еще остается, — пришел я к выводу. — Сколько там у нас осталось?

— Примерно на девятьсот миль, если погода будет хорошей, — ответил Сэм. — До Амстердама не хватит.

— А если на машине?

— Тогда хватит: у нас почти две тонны солярки, да, сэр. Только мне кажется, что здесь заправиться не так сложно. — Он кивнул в сторону бесконечных рядов белых яхт, почти сплошь моторных.

— Надеюсь, — суверенно-уклончиво сказал я, опасаясь радоваться заранее.

Конечно, путешествие морским путем было бы предпочтительней. Вдоль берега, не удаляясь, имея возможность почти в любой момент укрыться от непогоды — чем плохо? Куда удобней, чем прорываться через континент, на котором неизвестно что происходит. Хотя бы безопасный ночлег гарантирован.

С другой стороны... это ведь две недели как минимум. Еще две недели неизвестности, надежд, ожидания, нервов, дурных снов — так же рехнуться можно очень даже запросто. А на машине... сколько это? Ведь дня за три-четыре реально до Амстердама добраться. И две тонны солярки — это очень много, этого хватит, чтобы доехать на чем-то большим и тяжелом.

— Ладно, разбужу Дрику, и надо будет пошариться по лодкам, — сказал Сэм.

Я лишь кивнул, продолжая разглядывать берег. Мрачная картина: создается ощущение, что вообще вся земля вымер-

ла. Понимаю, что так не бывает, и это место было всегда дорогушим курортом, где много людей, много роскошной недвижимости, но все это было беззащитно против мертвецов. Люди просто не станут оставаться в таком замерзшем месте, отойдут куда-нибудь... да вон в горы отойдут, они тут вполне крутыми выглядят. В горах дорогу перекрыл — и дальше проход только скалолазам.

Нет, пожалуй, все же прав Сэм, неплохо было бы здесь с берегом не связываться. Сольем солянку из брошенных лодок да и пойдем себе морем помаленьку. Пара недель терпения — и мы на месте, да еще разглядываем его с безопасного рейда, посмотрим, кто там вдоль каналов гуляет, живые или мертвые.

Ладно, с терпением все понятно, с нашим терпением. А как быть с терпением у тех, кто нас ждет? Тоже вопрос. На Дрику в последние дни уже смотреть страшно становится — она хоть и молчит, но уже извелась от ожидания.

Хотя сейчас у нее вид был еще почище моего. Мне показалось, что она вышла на мостик с закрытыми глазами. Ну с полукрытыми, в крайнем случае.

— Как ты? — спросил я ее.

— Проснуться не могу, — тихо пробурчала она и широко зевнула, прикрыв рот ладонями.

— Не ты одна. Ладно, готовим завтрак и займемся поиском топлива.

«Готовим» было сказано сильно — скорее следовало просто открыть консервы и упаковку сухих хлебцев, разве что включение чайника немного соответствовало термину. Зато времени много это все не занимало, и через пару минут все сидели за столом в салоне, жуя уже опостылевшие бутерброды и запивая их чаем. Лафа со свежими тунцами закончилась с приходом шторма.

— Кстати, здесь прямо в порту рыбы полно, — вдруг сказал Сэм, словно перехватив мои мысли. — Большая такая рыба, и много.

— А какая?

— Не пойму, — развел он руками. — Пока что-то не пойдем — не разберемся.

— Надо попробовать, — согласился я.

Лодку вчера наверх не поднимали, она так и стояла у борта «Проныры», притянутая тросом. Так что нам с Сэмом осталось только вооружиться и спуститься в нее. Дрика осталась на верхнем мостике, со снайперским «штайром»: прикрывать и вести наблюдение.

— Повнимательней, особенно когда мы будем по чужим лодкам лазить, — наставлял я ее. — Увидишь хоть что-то непонятное — сразу дай знать.

— Хорошо, — кивнула она, откидывая сошки винтовки и устанавливая ее на парапет, огибающий полукруглый диван «летучего мостика».

Я загнал патрон в патронник короткого автомата «Коммандо», поставил оружие на предохранитель. Сэм повторил мои действия и встал за штурвал «Зодиака». Отвязали швартов, затарахтел негромко подвесной мотор, и лодка плавно отвалила от борта траулера.

Так, начинать надо оттуда, где на борт легко забраться. Если идти к тем мегаяхтам, что выстроились в рядок дальше, то там сначала придется выбираться на пирс... который, кстати, ничем не защищен — они прямо к прогулочной набережной, променаду швартовались. А вот все остальные пирсы защищены, у них ворота есть на стыке с набережной. Или закрыть успели, или бардак здесь начался ночью и их вообще не открывали. Не то чтобы великая защита от зомби — иной мертвяк легко сообразит, как перелезть, — но стимула у них не было, наверное. Судя по перевернутым стульям в кафе и ресторанах, битым стеклам и разбросанным костям, тут все случилось достаточно неожиданно. Паника, суета, затем все умерли. Или убежали, надеюсь, потому что слишком много умерло в этом мире, хватит уже.

Лодка медленно подошла к причалу, втиснувшись между белыми большими яхтами, ткнулась в бетон надувным упругим бортом. Я быстро накинул трос на утку, подтянул.

Выбрались на пирс — и я тихо рассмеялся: было странно ощутить под ногами твердую землю вместо палубы. Тоже ведь приятное ощущение, отвык ведь начисто.

На набережной началось небольшое оживление: несколько мертвецов подошли к решетке, встали, уцепившись гнилыми руками в никелированные трубы, из которых она была сварена.

— Ты лучше на палубе постой, последи за ними, — сказал недовольно поморщившийся Сэм. — Найти танк я и сам сумею, ты там не нужен.

— Ты осторожней, тут где-то и дохлый хозяин может опиваться, — предупредил я его.

— Он бы вонял хоть немного, — ответил Сэм, вытаскивая из кобуры «Колыг». — Но за заботу спасибо — буду осторожен.

Стекланные двери в салон не были заперты, Сэм вошел, остановившись на пороге на минуту, потом исчез из поля зрения.

Я топтался на палубе, стараясь одновременно смотреть во все стороны: из памяти еще не выветрился случай в яхт-клубе «Мальборо», что на реке Гудзон, где на меня напал и чуть не покусал зомби, на которого я напоролся при осмотре лодки, — только чудом отбился. С тех пор некая фобия образовалась, пожалуй, что и полезная. Сейчас любые фобии полезны, от них целее будешь.

Сэм вышел на палубу через минуту, явно очень недовольный, сказал:

— Откачали топливо.

— Может, закончилось? — предположил я.

— Не думаю: там явно кто-то слив вывинчивал, — с сомнением сказал он. — Ладно, глянем следующую лодку.

Все лодки в бухте нам осмотреть не удалось — их там были сотни, но в паре десятков, тех, которые мы все же посетили, горючего не было ни капли. Зато следы посещения их людьми становились все очевидней и очевидней. Здесь инструмент забытый, там шланг подрезали, где-то еще что-то. Говорить про заправку, разместившуюся на конце пирс-

са, ограничивающего док для суперъяхт, вообще смысла не было — все люки открыты, ни капли топлива.

— Все украдено до нас, — сказал я вслух, после того как мы вернулись на «Проныру».

— Попробуем найти еще порт? — предположила Дрика. — Их здесь должно быть много. Мы с мамой сюда приезжали пару раз, летом, немножко помню. Можно на «Зодиак».

Я с сомнением посмотрел на стену волнолома. Затем сказал:

— Выходить в такую погоду нам все же не стоит: судьбу испытывать. Даже на «Проныре», а «Зодиак» наверняка не пройдет. Надо ждать, когда погода исправится.

— А потом? — спросил Сэм, стоявший с чашкой кофе в руке. — Если кто-то так тщательно прошелся по одной марине, то почему он не мог пройти и по остальным? Времени прошло много, да, сэр, успели бы все слить. Видно же, что приходили с моря и морем же уходили обратно. Так можно долго искать.

— А что предлагаешь? — обернулся я к нему.

— Пока не знаю, если честно, — ответил он. — Но если мы найдем хороший грузовик, то нам горючего хватит куда угодно. И мы доберемся намного быстрее.

— На лодке не так страшно, — откровенно сознался я. — К хорошему быстро привыкаешь. И после Амстердама на ней путь понятен.

— Если найдем топливо, то почему нет? — пожал плечами Сэм. — Но можем и не найти. Это не Техас, здесь больших нефтехранилищ быть не должно, как мне кажется, так что вполне могли слить все, до чего дотянулись.

— Да, пожалуй, — осталось согласиться мне. — Или засели там, где оно осталось, как в Техасе, к слову. Для начала надо искать машину. А заодно выяснить, как лучше прорываться на берег. Это все, — я кивнул на забитую мертвецами набережную марины, — совершенно не вдохновляет.

— Можно вывезти тебя куда-нибудь на лодке, когда погода исправится, — сказала Дрика.

Мысль разумная, да непохоже было, что погода намерена исправляться. Ветер, дождь, хотя и не холодно. Юг Испании, чего же вы хотите, тут до Африки рукой подать. Можно бы подождать, но... домой очень хочется. И расслабляться нельзя: сделаешь себе одну поблажку — и завтра сделать вторую станет куда легче. Нет, надо сразу начинать шевелиться. Хотя бы разведать окрестности — не думаю, что такая плотность мертвяков на квадратный метр и дальше тянется. Тут что-то другое... видать, местечко популярное раньше здесь было, вот и тянутся, или что другое.

— В общем, так, — сказал я, — надо чистить набережную. Сначала с мостика, с оптикой, потом... потом видно будет.

— А для чего? — спросила Дрика.

— На мотоцикле прокачусь. Посмотрю, что здесь и как.

— А мы?

— А вы здесь подождете. Только пару канистр с соляжкой на мотоцикл назад подвесим, на случай если что-то найду подходящее, а бак будет пустой.

25 мая, пятница, день
Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

— М-да, — сказал я, откладывая заметно нагревшуюся М-16 с оптикой. — Они все же соображают.

— Все равно хорошо почистили, — сказал Сэм, оглядывая набережную, на которой появилось немало трупов, уже окончательно упокоенных. — Теперь надо быть аккуратным и очень быстрым. Не теряй времени и не теряй головы.

— Это понятно, — согласился я и пошел к шлюп-балке, под которой уже болтался мотоцикл — синяя «Ямаха ХТ-600», довольно уродливый с виду, но лихой и проходимый эндуро.

Дрика медленно-медленно подавала яхту к причалу, точнее, к набережной, от которой они отходили. Расстояние между последним пирсом, где выстроился «парад тщеславия» в виде самых больших яхт, и следующим было достаточно точным для маневра. Ну и, кроме всего, следовало при-

жаться бортом: спустить что-то с кормы шлюп-балка не могла — не хватило бы длины.

Кстати, мечты о том, что в бездонных танках суперъяхт осталось топливо, развеялись сразу, едва мы вошли в этот док. В борту каждой из них была грубо пробита немалого размера дыра, через которую, по всему виду, внутрь шланг и подавали. Не тащить же его по всем изгибам судовых коридоров! Кто-то слил все, до последней капли, не пропустив ни единой посуды. А пробивали, похоже, взрывчаткой, что тоже наводит на мысли о серьезном подходе к делу.

Со швартовкой справились легко, простор для маневра был, и, пока Сэм с Дрикой, вновь вооружившись винтовками, меня прикрывали, я спустил мотоцикл на асфальт, попутно задев капот темно-синего «Бентли», стоявшего наискосок.

Заранее прогретый мотор запустился с пол-оборота, и я, мысленно перекрестившись, толчком ноги воткнул первую передачу и тронул машину с места. Качнулись длинноходные амортизаторы, и я покатил по набережной, старательно объезжая трупы и мусор, которого здесь тоже хватало.

К счастью, выезд из порта нашелся сразу, совсем неподалеку. Я опасался, что придется ехать направо, по всей длиной и загроможденной набережной до дальнего ее конца, но на ближайшем углу, возле бара под навесом с перевернутыми стульями и огромными пятнами запекшейся крови на полу, обнаружился выезд из порта, прикрытый опущенным шлагбаумом. Похоже, что раньше всем подряд в этот порт ходу на машине не было — только тем, «кому положено», и даже пешеходная калитка была предусмотрительно прикрыта турникетом, чтобы не дать заезжать мотоциклистам.

Добротный такой желтый шлагбаум между двумя колонками, в одной переговорное устройство и прорезь, для того чтобы совать в нее пропуск. Пропуска у меня нет, да и колонка не работает. Сломать эту конструкцию с ходу у меня бы не получилось: выглядело все довольно капитально. Кроме того, это место никак в сектор обстрела с лодки не

попадало и было «нечищеным», так что не следовало и задерживаться.

Я огляделся. Улица, параллельная набережной, заваленная грязью, мусором и битыми стеклами, вела куда-то вдаль, и по ней ко мне как-то неторопливо, словно спросонья, но неумолимо, как сама смерть, уже приближалось несколько мертвяков. Я выматерился, рука непроизвольно скользнула к короткому «Коммандо», висящему на боку, но затем я заметил вполне нормального вида дорожку, идущую вдоль разбитой витрины ювелирного магазина, к тому же еще и выгоревшего изнутри. И эта самая дорожка вела к газону, по которому вполне можно было преодолеть препятствие. Мне осталось только сделать мертвякам ручкой и прибавить газу.

Мотоцикл взвыл в развороте на месте, легко вскарабкался на бордюр, я лишь толкнул руками рукоятки, сжимая переднюю подвеску, затем заднее колесо попыталось пробуксовать по мокрой траве, местами подросшей от нормального газонного размера, а местами уже и выгоревшей до желтизны, но я мотоцикл удержал. И через секунду соскочил на гладкий как стекло асфальт круглой площади с фонтаном посередине, окруженным со всех сторон домами — такими... пышными, иначе и не скажешь, что мне осталось только присвистнуть. Всякое видал, но тут место шибко богатое. Было.

Куда дальше? У нас ни карт, ни навигатора — вообще ничего для этих краев. И я тут раньше не бывал, не довелось. Два бульвара с пальмами посередине, оба засыпаны этими самыми пальмовыми листьями, бурыми и мокрыми, — на таких, кстати, поскользнуться на мотоцикле очень даже запросто. Аккуратненько надо, тем более что мертвяки видны. Не то чтобы толпа, но есть, есть, и активные такие, подвижные. Точно, это у них от погоды, еще в Техасе насмотрелись. Водный баланс организма восстанавливают. Шутка такая. А может, и не шутка? Почему бы и нет.

Так, один бульвар шире и ведет от берега, второй — вдоль берега, и он уже. Ну его, нечего на нем делать. Дал газ-

ку и покатил неторопливо по указателю «Нуэва Андалусия», без понятия, что это такое, — район местный, наверное.

Дома с цветными зеркальными стеклами, облицованные светлым камнем и украшенные зеленью, маркизами ресторанов и магазинов, витринами, тянулись с обеих сторон. Мертвецы, видать давно не знавшие здесь никакого движения, останавливались и провожали меня взглядами, но погнался только один, медленный и неуклюжий, и тот запутался в кустах и упал.

Еще круг, с него несколько дорог во все стороны. Если указателю верить, то, поехав прямо, попаду на какую-то трассу. Мне оно надо? Может, и надо: как-то не очень хочется по этому замертвяченному городку колесить, где наверняка ничего полезного не найдем. Хотя... как знать, как знать.

Решил все же прокатиться — разведка ближних подступов и все такое. Свернул с площади направо, поразившись, каким треском вернулось ко мне от стен эхо мотоциклетного мотора. Что значит место брошено — любой громкий звук пугает. Магазины, магазины, салон «Жак Дессанж», въезд на парковку... Огромный торговый центр с зеленой витиеватой надписью на стене «Эль КORTE Инглез» — «Английский двор», если по-нашему. За ним — «улитка» огромной многоэтажной парковки. Может, там пошариться? А что, и пошаримся, просто не сейчас.

Бары, ресторанчики, суши-бар, магазины, магазины, магазины... Зомби, разумеется. Машин мало, но подземных стоянок много — наверное, все там стоят, скрываются от штрафных талончиков за неправильную парковку. То, что вижу, — не вдохновляет. Нам бы грузовик хороший вроде «шишиги», а тут «Кайены» с «Рейнджроверами» сплошные, гламур, блин. Не пойдет, пусть на них вон... зомби катаются.

Опять торговый центр, и опять рестораны, рестораны, рестораны... явно здесь публика отдыхающая по вечерам гуляла. Круг с уродливой статуей, не пойми что изображающей — зомби какого-то в психическом припадке, — развязка под шоссе... ага, точно, хорошее место — вон дилер «Порше», затем БМВ, вон «Классические автомобили» с «Ягу-

арами» пятидесятих годов в витрине. Гулкий короткий туннель, в котором я чуть не перевернулся, налетев на валяющегося зомби, еле мотоцикл удержал, а затем уже дорога... не в ту сторону. Блин, я направо хотел, а в указателях запутался.

Но ничего, здесь разделительный барьер был с разрывами, так что развернулся почти что сразу. На шоссе — ни одного мертвяка, слава богу, разве что мусора и сюда нанесло уже. Листья, трава, все то же самое. Трасса уводит налево, а направо — указатель «Марбелья». Ну да, действительно хорошее место. Туда и проеду, пожалуй.

Странное ощущение, очень странное. В Америке к этому уже привык, а тут все вновь переживаю. Пустота, отсутствие людей, ощущаемое чуть ли не спинным мозгом, словно я всегда хотя бы человеческую ауру ощущал, а сейчас это чувство исчезло. Справа тянутся дорожные жилые комплексы и курорты, какие-то небольшие торговые центры, бутики, мебельные магазины и бесконечный парк. Красиво, очень дорого... и страшно. Страшно именно своей заброшенностью и ощущением того, что этими местами правит какая-то другая сила, беспредельно враждебная человеку.

Постепенно пригород сменился городом. Улица сузилась, зажалась, как река в ущелье, стенами домов. Пошли магазинчики попроще. Все уже заметно запущенное, с пыльными стеклами, много разбитых окон, в некоторых домах следы пожаров, особенно заметные и какие-то оскорбительные на белых стенах, каких здесь большинство.

Мертвяков почти не было — так, два-три в поле зрения, неактивных, валяющихся под стенами, хотя обглоданных костей на улицах хватало. Похоже, смерть здесь разгулялась по-настоящему: в той же Юме такого не было даже после окончательной гибели самого города. Юма умирала постепенно, по мере того как ее покидали люди, а здесь, как мне кажется, даже эвакуации толком не получилось. Много брошенных и битых машин, много... всяких нехороших признаков много. Автобус, почти перегородивший улицу, полицейская машина с открытыми дверями — си-

не-белый «Рено Сеник», в который врезался белый «Мерседес», промяв салон почти до самой середины, видны следы крови на лобовом стекле, пошедшем трещинами. Явно была именно паника. И была настоящая атака мертвецов. Растащенных по всей дороге костей полно, смрад от них ощущается даже тогда, когда мимо проносишься: здесь сам воздух гнилью пропитан. А вот следов стрельбы, которыми был богат город в Аризоне, пока я не видел. Ни гильз на асфальте, ни следов от пуль на стенах. Это не Аризона, штат вооруженных людей, здесь оружие отнюдь не у каждого второго.

Заправка, сгоревшая дотла. А прямо за ней сгорел магазин «Хонда», полный всякой техники. Обидно: хороший квад бы не помешал, пожалуй. А теперь там один металлолом почерневший.

А город пуст. Совсем пуст, под ноль, я это просто чувствую. Не могу объяснить как, но чувствую — и все тут. Мертвое это место. И очень плохое.

Сквер с выключенным фонтаном справа, трава, пожелтевшая на всех газонах. Здесь явно все за счет полива держалось — места ведь жаркие и сухие: это сейчас тут дождик, небось за весь год первый. Как поливать перестали, так все и сохнет, и это придает городу вид окончательно убитый. Брошено место, пусто осталось.

Треск мотора возвращается от стен, колотится эхом, где-то за сквером увидел мутанта, самого настоящего, но он за мной не погнался — видать, лень ему, или просто я слишком быстро проехал. А вот совсем быстро нельзя: это как по листопаду осенью уже, каток самый настоящий, навернуться — никаких проблем.

Дорога сузилась немного, потом стала шире. Мелькнула вывеска «Госпиталь Ю-Эс-Пи» над многоэтажным зданием, заставив заранее напрячься: помнится, чем стали больницы. Но ничего сверхужасного я не увидел, хотя мертвяков как раз на этом участке немного прибавилось.

Опять заправка, на этот раз с надписью, извещающей, что нет ни бензина, ни дизельного топлива. Ага, спасибо,

все понятно. За заправкой какой-то автосервис небольшой, при случае можно заглянуть, мало ли... только потом, если будет время и желание.

Странный памятник посреди фонтана, напоминающий носы затонувших кораблей, торчащие из воды. Что он на самом деле должен символизировать, я так и не понял, но выглядит уродливо. В фонтане плавают два частично обгрызенных и полуразложившихся трупа, мертвая плоть от долгого пребывания в воде приобрела цвет омерзительный, вонь стоит такая, что даже на улице морщишься. Да и вода теперь больше похожа на мерзкий гнилой бульон. Отвык опять же за время океанского перехода, надо привыкать. Разнежился, блин.

На улице мертвяков не было видно. По крайней мере, в поле зрения — черт его знает, что в укромных местах делается. Но притормозить и оглядеться возможность появилась, причем без особого опасения — просторно, все открыто, незаметно не подберешься.

По сторонам широкой улицы, тянувшейся дальше после фонтана, выстроились два ряда деревьев, отгородившие боковые дорожки. А вот за ними я увидел то, что очень заинтересовало: с обеих сторон на фасадах домов «магазинного вида» висели вывески с названиями автомобильных марок. Первой справа, например, виднелась «Тойота». Вообще таких вывесок справа было больше, они шли подряд, а слева — так, две или три, не больше. Поэтому я, недолго думая, тронул мотоцикл с места и вскарабкался на узкий газон, после чего спрыгнул с него на неширокий асфальтовый проезд.

В «Тойоте» меня ничто через витрину не заинтересовало. Если бы «Лендкрузер» там был, а так... И еще там, за стеклянной витриной, мертвяк ошивался. Подошел к стеклу и уставился на меня, возюкая грязными ладонями и оставляя мерзкие следы. Тьфу, гадость какая...

За «Тойотой» пристроился «Форд», с небольшой площадкой перед ним, уставленной распродажными «Фокусами», через пыльную же витрину вообще ничего не получалось

разглядеть, а слезать с мотоцикла пока было, откровенно говоря, боязно. А вот следующая надпись меня вдохновила намного больше — «Джип».

Ага.

А там что есть?

Витрина стеклянная, видно хорошо... ну ты гля, а? Прямо так и стоит, прямо в салоне, как будто так и надо.

Негромко рыкнув двигателем, мотоцикл вырулил на наклонный пандус и подкатил прямо к дверям. Открытым дверям. А потом я внутрь так на нем и заехал, восхищенно оглядываясь, и на меня никто не кинулся. Было пусто, разве что два маленьких офиса-скворечника у дальней стены плохо просматривались, но мы их сейчас проверим. Главное то, что здесь есть машины.

Вот «Гранд Чероки», черный и красивый. Неплохо вообще-то. У меня был «Гранд Чероки», правда, предшествующей модели, мне он нравился. Зря, кстати, врут, что он телом слаб и с проходимостью проблемы, — все у него хоть куда. Вот седан «Крайслер», большой и длинный, сверкающий хромом, нафиг не нужен. А вот это...

«Рэнглер». Темно-красного цвета, с мягким верхом. Да еще и четырехдверный: последний писк. Мягкий откидной верх, большие колеса в просторных арках, механическая коробка передач, все очень простенько внутри — классический пляжный вездеход в самой простенькой комплектации, и при этом еще размером с полноценный внедорожник, не то что трехдверная модель. И дизельный, вот что самое главное: мы же в Европе. Фаркопа только нет: к сожалению, их всегда дополнительно устанавливают, уже при продаже, по желанию.

— Офигеть, — честно выразил я свое мнение.

Если я его заведу — первая стадия добычи транспорта будет решена. На нем мы сможем ездить вдвоем с Сэмом, а тот уже заведет что угодно. На мотоцикле вдвоем среди мертвецов все же страшновато, да еще по скользкой дороге.

— Ну-ка, ну-ка... — сказал я, вытаскивая из кобуры «Зиг-Зауэр» с глушителем и взводя курок.

В правом «скворечнике» никого, в левом тоже. Везде порядок, белые столы, белые стены, разве что пыльно. Давно тут никто не убирался и уже не будет никогда. В той кабинке, что слева, на столе фотография — молодой улыбающийся парень с девушкой. Интересно, кто из них здесь работал? На столе пачка визиток в держателе. Выдернул одну, глянул — Иван Родригез, менеджер. Надо же, даже Иван... Он тут работал, не девушка.

— Так, Ванька, извини, мне тут пошариться надо, — сказал я, отодвигая верхний ящик стола.

Ну вот, даже шариться не пришлось. Коробка с ключами: какие от «Рэнглера», сразу видно — они простенькие, с серой головкой, а от «чирка» уже посолидней, с кнопками. Тут же папочка с руководством, в кармашке папки — ключ от колесной секретки. Вот это хорошо, сам бы не вспомнил и даже не глянул.

Так, все нормально, но мотоцикл прямо в офис. И дверь прикрыть. Я его совсем бросать не намерен — заберем, пусть лучше припрятанным постоит. Но пока на джипе покатаемся, мне как-то спокойней на чем-то таком, большом и железном.

Сел, примерился, подогнал зеркала и сиденье. Все хорошо, все удобно, чудесный запах новой машины, который среди мертвого города ощущается совершенно нереально, вроде как сон или бред. Повернул ключ — джип завелся, резкий трескучий звук дизеля отразился от стен. Лампочка резерва топлива не загорелась, хотя до нее, судя по стрелке, было совсем недалеко. Ничего, у меня двадцать литров в канистрах, это, наверное, километров на двести. Ну чуть меньше, может быть.

Заглушил двигатель, вытащил воронку из рюкзака, неторопливо все перелил в бак из обеих канистр, забросив их в багажник. Все, можно ехать.

С обратной стороны стеклянной витрины стояла мертвая женщина, разглядывая меня. На стекло не бросалась, просто стояла, но я не заметил, как она подошла, и когда

встретился с ней взглядом, то испуганно выматерился, отскочив назад и хватаясь за автомат.

Расслабился, оболтус, обрадовался добыче. А она ведь могла не только снаружи оказаться — дверь ведь открыта, а я тут жалом вожу на радостях.

— Иди отсюда, нечисть, — выругался я сквозь зубы и добавил затем, чтобы вроде понятней было: — Fuera!¹

Ладно, валить отсюда надо, а то сейчас поналезут. Верить в то, что мой мотоциклетный прогон тут никого не разбудил, все же не стоит. Так... надо ведь еще и выехать отсюда, расслабился, блин. Типа сел и поехал. «Крайслер» дорогу перегораживает, надо двигать.

Опа. Только выбрался из «Рэнглера», как в салон зашел мертвяк. Невысокий мужичок, на обвисшем лице которого угадывались индейские черты, — из латиноамериканских мигрантов, видать, их тут много. Уставился на меня своими буркалами, чуть пригнулся, вроде как собираясь броситься, — и получил пулю в лоб. Это я успел выстрелить, разумно схватившись не за автомат, а за пистолет с глушителем. Хлопнуло на манер духовушки, у зомби только башка дернулась, брызнув гнильем.

— Вот так вот, не лезь, — сказал я наставительно, уже не убирая оружия в кобуру, а так и продолжая держать его двумя руками.

Опять пошел в офис к неизвестному Ивану, нашел в столе ключи от машины. Передвинуть ее на пару метров назад получилось быстро, больше «Крайслер» не мешал. Интересно, что бы я делал, если бы машины простояли здесь не пару месяцев, а пару лет? Пришлось бы еще и «прикуривать» каждую.

Так. Класс. А я и забыл: вдоль дороги, перекрывая съезд с пандуса, выстроились еще машины, с объявлениями о продаже на лобовом стекле. Хоть одну, но убирать придется. Или фиг с ним, попробоваться толкнуть бампером — вон он какой мощный! Нет, не стоит. Видел я, как пытались так

¹ Убирайся! (Исп.)

столкнуть машину бампер в бампер, а вышло то, что радиатор погнули. Хотя... ключи где искать?

Вышел из салона, огляделся. Так, вообще-то бы здесь уже лучше не крутиться: вон идут помаленьку. Оттуда один, оттуда еще двое... ага, вон еще тянутся. Нашумел. В мертвом городе любой шум далеко разносится. Ладно, пока до них далеко. А вот та, что на меня через стекло смотрела, должна быть здесь, где-то совсем близко.

Заглянул за угол. Зомби так и стояла, глядя в окно, — похоже, не могла сообразить, куда я делся. Но стоило показаться, как она сразу оживилась — обернулась резко, оскалив грязные, покрытые коркой запекшейся крови зубы.

— Да щас! — сказал я и выстрелил.

Негромкий хлопок, звон катящейся гильзы, брызги смердящей дряни на стекле витрины, глухой стук упавшего тела.

Все, эту проблему решили, теперь пошли к машинам.

Подергал дверь «БМВ»-«трешки» — заперто. Заглянул в окно... ага, коробка механическая, так что дальше все ясно. Вернулся ко входу в салон, прихватил оттуда металлическую стойку для буклетов. Затем с двух ударов вышиб ею посыпавшееся мелкими шуршащими кристаллами закаленное стекло. Заорала сигнализация, ее вой подхватила еще одна. Плевать, разберемся.

Всунулся в тесный из-за надетой на мне массивной разгрузки салон, скинул ручник и передвинул рычаг коробки на нейтралку. Все, можно толкаться, колеса и так вывернуты налево до упора, блокировкой зажаты — этого мне и надо, чтобы в сторону свернула, а не уперлась в высокий бордюр напротив. Хорошо, что «трешка», она не тяжелая... и уклончик тут есть небольшой, это тем более хорошо.

Поднатужился, качнул, еще раз, еще — машина немного сдвинулась. Упираясь изо всех сил, толкнул ее дальше — сразу же пошло легче. Еще немного, тут уже уклон «заиграл»... есть проход. Серебристый «БМВ» встал против движения, глухо стукнувшись и упершись бампером в борт какой-то старой «Витары».

— Вот так... проедем, — сказал я вслух, оглядевшись.

Мертвяки приблизились, но пока всерьез не угрожали: расстояние было внушительным. Ну и связываться с ними незачем.

Джип выбрался теперь «на оперативный простор» легко, порадовав малым радиусом поворота с отключенным передним приводом. Тоже удобно, плюс ему. И сразу ощущение некоей надежности возникло: все же машина — не мотоцикл, ты всем ветрам не открыт.

Не торопясь, не торопясь дальше. Похоже, что там, впереди, заправка. Тоже ведь пустая небось. До заправки попало синего стекла здание с надписью «Полисия локаль», возле которого приткнулся расстрелянный «сеник» — таковой, как и тот, на главной улице. Не так тут все просто было, похоже.

Двери открыты, видна дежурка, в которой ни души. Что там делать? А ничего, ничего мне там не надо. А заправок, кстати, тут сразу две. На той, что рядом, с вывеской «Сепса», знакомая надпись о том, что ничего нет, сделанная краской по стеклу магазина. А вот напротив, в «Би-Пи»... то же самое, наверное, но надписи не вижу. Надо бы глянуть, убедиться.

Развернулся на кругу, чуть не сбив вылезшего из кустов мертвяка, поехал к заправке... есть надпись, даже между колонками полосатые ленты натянуты, чтобы не заезжали. Видать, какое-то время у города было, чтобы к Беде подготовиться, — вот куда в таком случае весь бензин делся...

Внимание привлекло довольно большое, магазинного вида здание за сетчатым забором, прямо рядом с заправкой. Сверху вывеска «Уренде» и рекламные плакаты — мобильный со скидкой, лэптоп со скидкой... электроника, что ли? Глянем.

Завернул во двор, остановился у дверей. Так, на маленькой стоянке никого. Странно, что такая маленькая... ага, там дальше спуск в подземную. Ну мне туда не надо, мне и здесь хорошо. Выбрался из машины, еще раз оглядевшись, постарался заглянуть через витринное стекло внутрь. Полумрак и вроде бы вообще никого. Мне там надо что-нибудь? Так,

а ведь надо — навигатор бы неплохо найти для Европы. Очень было бы неплохо.

Садануть стекло? А вдруг там кто-то прячется, а я ему всю оборону поломаю? Нет, вряд ли: кто будет в магазине электроники прятаться? Что ему там, телевизор смотреть все время? Если только в продуктовом или оружейном.

Витринное окно выбил задним бампером «Рэнгера», ударив самым углом. Лопнувшее огромное стекло загрохотало как ядерный взрыв, наверное разбудив каждую тварь в этом городе, поэтому я решил времени не терять и через витрину залез внутрь.

Темновато, но все же видно. Две кассы, турникет... справа всякие микроволновки и холодильники, прямо — компьютеры, слева — диски, музыка, фильмы и прочее. Куда? Где компьютеры, наверное.

Навигаторы нашлись почти сразу, на второй от входа стойке. Образцы в витрине, коробки с товаром в ящиках под ней. Выбрал сразу три «Навмана», у них на коробке надпись была: «Mapas de toda Europa». То, что и нужно. Схватил со стенда сумку для ноутбука, кое-как запихал в нее коробки.

Звякнуло разбитое стекло, что-то мелькнуло в светлом прямоугольнике окна, через которое я залез. Быстро мелькнуло — можно сказать, что пугающе быстро: мне не понравилось. Я даже сам не заметил, как сумка оказалась у меня за спиной, а в руках «Коммандо». Луч подствольного фонаря забегал по стенам, прилавкам, кассам... Я рывком перебежал к стойкам с компакт-дисками, чтобы как можно больше увеличить расстояние между собой и тем, что могло заскочить в окно.

Тихо, тихо, даже не дышать, чтобы ничего не прощелкать... Гадство, у них здесь полы ковролиновые, нормально? В большом магазине — ковролин. Ходишь бесшумно, ноги пружинят. Как не выгоптали только, не пойму. Или у них тут покупателей мало? Додумаются же, блин.

Если *оно* внутри, то где *оно* может быть? Справа от меня стеклянная стена, за ней — торговые автоматы со всякими напитками и кофе, еще лифт вниз, на парковку... кассы пере-

до мной. Дальше — прилавки с кондиционерами... там что-то есть вроде бы, за прилавком.

Сердце колотится так, что от него эхо в ушах, на загривке волосы шевелятся. Кого там принесло по мою душу? Еще мутант? Что-то не в настроении я с ним сейчас воевать в одиночку: страшно. Очень мне страшно, аж дыхание перехватывает.

А может быть, просто дернуть отсюда? Выход не перекрыт, можно в джип заскочить, завестись — и ходу отсюда. Я даже капотом к выезду его поставил. А успею?

В любом случае лучше сдвигаться туда. Все ближе буду... Но пока надо вперед, к кассам, к *этому* поближе.

Вроде запах мертвечины в воздухе появился... точно, есть такой. Значит, какая-то нежить там. А то я сомневался.

За окном показался мертвяк — самый обычный, медленный, покачивающийся. Под ногами у него выбитое стекло захрустело, в окружающей тишине беспощадно перекрыв все остальные звуки. Приличный в прошлом средних лет дядька с лысиной, в сером костюме. Потоптался, полез в витрину.

Я рванул вперед изо всех сил, в три прыжка преодолев расстояние между собой и кассами, заскочил в проход между ними, оставляя между собой и неведомой угрозой хоть какое-то препятствие. Мертвец, увидев мой маневр, засуетился, влез уже внутрь — и я выстрелил одиночным.

После пистолета с глушителем автоматный выстрел был громким, как взрыв, особенно в окружающей тишине. Сверкнула вспышка, мертвец ввалился внутрь и ткнулся лицом в пол. Пол, кстати, за кассами был уже каменный, поэтому голова стукнула неожиданно громко, словно мяч для боулинга уронили.

Палец резко перекинул флажок переводчика на стрельбу очередями.

Темная и непонятная тварь в зале быстро перебежала за другой прилавок, приблизившись, но на меня не кинулась — опять укрылась. Нет, на фиг такие разборки, я отсюда сруливаю, у меня сейчас медвежья болезнь со страху приключится, я тут оставаться более не могу, а *она* — как хочет.

Крутя головой на триста шестьдесят градусов, быстро попятился к выходу. И спиной к залу повернуться страшно, и спиной к окну пятиться — тот же эффект: оттуда только что влез мертвец, кто знает, что еще там, снаружи.

А снаружи оказался еще мутант. Если бы он дождался того момента, как я полезу в окно, — мне бы пришли кранты. Но он поторопился — бросился через проем, пробуксовав на рассыпанном стекле. Я словно в стоп-кадре успел его разглядеть: еще не «обезьяна», но уже и не человек — зубастая пасть, морда, словно грубо вылепленная из пластилина, какая-то железяка, зажатая в уродливых кривых пальцах и занесенная над головой...

Он упал. Сам упал, из-за стекла, наваленного слоями у него под ногами. Слой заскользил по слою, зазвенело, прыжка не получилось, тварь просто рухнула «на четыре кости», раскроив одну руку почти пополам: из нижнего края рамы торчали длинные, похожие на мечи осколки. Железный ломик-гвоздодер брякнул о плитку пола, отлетев почти к моим ногам.

«Коммандо» заколотился у плеча, разом выпустив из пучка пламени с десяток пуль в затылок существу, превратив его голову в фарш. Садануло эхом по барабанным перепонкам, боковое зрение уловило какое-то движение, и я отскочил назад, прикрывшись стеклянной стеной и автоматами с напитками.

Они охотились вместе. Тварь в окне была в засаде, а то, что сейчас присело в трех метрах от меня с другой стороны стеклянной перегородки и прижавшегося к ней прилавка с батарейками, было загонщиком.

Еще взгляд на «охотника». Повезло мне — словно сверху кто-то помог: голова была почти начисто разнесена пулями, тварь не шевелилась и шевелиться не могла. «Загонщик»?

Оно спряталось, совсем рядом. Что делать? Стрелять через перегородку не хочется — она для меня сейчас как защита: стекло толстое, сразу не расшибешь, как мне кажется. Ладно, пошли к окну, все равно ничего другого не остается. Только для начала вот так, «новые технологии» типа...

Выдернув из разгрузки светозвуковую гранату, я подско-чил к самому краю стеклянной стены, бывшей мне сейчас главной защитой, и катанул увесистый цилиндр за нее.

Яркая вспышка достала сетчатку даже через плотно сжа-тые веки, громкий хлопок саданул по ушам дубиной. А за-тем вторая тварь выскочила из-за прилавка, испуганная и дезориентированная. Женщина. Маленького роста, тощая, серое лицо, тоже искаженное, словно пластилиновое, оска-ленные острые зубы, дикие, страшные глаза под висящими черными космами, в руке — нож. Самый обычный, здоро-венный такой кухарь, длинный и грязный.

— Хренасе... — сказал я, глядя на нее, замершую.

Я не выстрелил от удивления. Я еще не видел зомби с но-жами. Она не напала — ей было не до того: «хлопушка» по-действовала на все сто. Мы просто уставились друг на друга, причем взгляд зомби был мутным и несфокусированным, а затем она резко пригнулась и метнулась за прилавок, при-чем с невероятной, именно что нечеловеческой быстротой. Кинься она на меня, будь такая возможность, — и я бы, ско-рей всего, отбиться не сумел.

Она скрылась, а я быстро, стараясь при этом все же не упасть, выбрался в окно, используя в качестве мостика два трупа.

Еще два зомби были во дворе, почти рядом с машиной, но «нормальных» зомби, никакого посмертного «тюнинга». Одному я с ходу снес верхушку черепа короткой очередью, второго застрелил чуть позже — он попытался укрыться за машиной. А потом я уехал оттуда.

25 мая, пятница, день
Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

Не стал заезжать в марину, решив не тревожить и не воз-буждать у местных зомби аппетит своим появлением. Джип есть джип, поэтому подключил полный привод и просто выехал на нем на пляж, начинавшийся прямо за пирсами, и там взялся за рацию. Через несколько минут к берегу по-

дошел «Зодиак», которым управляла Дрика, я забрался в лодку, начерпав воды в ботинки, и вскоре разулся уже на борту «Проныры».

— На заправках горючего нет, по крайней мере на тех, что я видел, — оповестил я сразу. — Зато добыл новый джип, на котором можно поездить по окрестностям.

— Машины на улицах есть? — спросил Сэм.

— Есть. Но сливать из них топливо в черте города я бы не рискнул, — ответил я совершенно честно. — Много мертвецов, пришлось отбиваться. Да, кстати, я добыл навигаторы, надо зарядить, наверно.

— Давай сюда, — сказала Дрика и унесла коробки в салон.

— Ты уже что-то решил? — спросил Сэм.

— Пока нет, — покачал я головой. — Мне хочется добраться как можно быстрее: я слишком давно ничего не слышал от семьи. Но если удастся, условно, найти сразу цистерну солярки, я все же пошел бы морем. Наверное.

— А Дрика?

— Надо спрашивать, — пожал я плечами, хотя был твердо уверен, что девушка выберет наземный путь.

— Надо спрашивать, да, сэр, — закивал и Сэм. — Как там, на земле?

— Жутко. Не видел ни одного человека и даже признаков жизни. Все мертвое, — кратко описал я впечатления.

— Мы слышали выстрелы, — сказал он. — Пару часов назад.

— Мои, может быть?

— Нет, с другой стороны, стреляли много. Где-то там. — Он указал рукой куда-то на северо-запад.

— Я так понимаю, побережье было заселено густо, — предположил я. — Люди могли просто отойти в горы.

— Тоже так думаю.

Дрика вышла обратно, протянула мне коробочку навигатора и зарядник.

— Его только в машине можно зарядить, обычного устройства нет в комплекте, — пояснила она. — Но немного пороботает, кажется.

— К нему бы карту найти неплохо, — сказал я, сразу подумав о том, что мог бы зайти в магазин на любой заправке из тех, которые проезжал, и набрать там этих карт полный чемодан. Вовремя надо думать, а у меня все как-то задним числом получается.

— Не проблема, найдем, — сказал Сэм, наблюдающий за одиноким мертвяком на набережной, безуспешно старающимся перебраться через ворота на пирс.

Я нагнулся, поднял приставленную к борту М-16 с оптикой, приложился. Лицо зомби приблизилось. Здорово ему досталось тогда, когда на него напали: весь покусан. Похоже, что араб, — тут вообще марокканцев много, до их родины рукой подать.

Зомби, словно почувствовав, что в него прицелились, вдруг замер и повернул серое лицо с обвисшей плотью ко мне, уставившись прямо в прицел. Зябкая дрожь пробежала по спине, я выстрелил. Звонкий треск одиночного выстрела разнесся над портом, разрушив плотно нависшую тишину. На сером лбу появилась черная точка, труп мешком осел возле ворот.

— Дрика, у нас к тебе вопрос, — заговорил я, обернувшись.

Она посмотрела на меня, вопросительно подняв жидкие светлые брови.

— Идти до Голландии морем недели две, — сказал я, а затем добавил после паузы: — И это после того как погода исправится, сейчас из порта не выйти.

— А сушей?

— Не знаю, — ответил я честно. — Но в любом случае быстрее. Три, четыре, пять... ну шесть дней, если все будет нормально.

— И в чем вопрос? — уточнила она. — Вам мое мнение нужно?

— Да.

— Сушей, — ответила она без всяких колебаний, не задумываясь ни на секунду. — Давай рискнем. Утонуть ведь тоже можно — сами видите, что сюда чудом добрались.

Сэм хмыкнул негромко, я кивнул. Все как и предполагал.

— Тогда завтра мы с Сэмом поедem искать... что-нибудь. Топливо, машины... может, даже прицеп к джипу, не знаю, там будет видно. И потом решим все окончательно.

— Я уже решила: сушей, — сказала Дрика. — Так что дальше думайте без меня.

26 мая, суббота, утро
Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

Лодка мягко уткнулась пластиковым днищем в пологий песчаный пляж, и мы с Сэмом выскочили на берег, подхватив две канистры с соляркой.

— Дрика, ты все знаешь — дежурь у рации, оружия ни на минуту не выпускай. Не рискуй, никуда не лезь, оставайся в безопасности, хорошо? — быстро выдал я порцию наставлений.

— Хорошо, — вполне серьезно ответила она. — Не беспокойся за меня, я буду осторожной.

Я кивнул и оттолкнул «Зодиак» от берега.

На пляже было пусто, лишь с дальнего его края к нам неторопливо ковылял одинокий зомби, до которого было еще метров триста. Сэм не стал терять времени и, открыв ключом пробку, взялся переливать солярку в бак джипа, так и стоявшего здесь со вчерашнего дня. Никто к нему не подходил, судя по следам, никого он не интересовал. Да кого он мог заинтересовать в этом мертвом месте? Зомби пока за руль не садятся, хотя ножиками уже размахивают, как эта вчера, которая в магазине. Да и «напарник» ее, который с гвоздодером...

Закинул сумки в салон и подумал, что неплохо было бы снять верх машины. Можно стрелять в любую сторону, можно будет подняться и оглядеться. Но, по здравом размышлении, перенес это на потом, потому как дождик пока не закончился, хоть и совсем мелкий, и сидеть на пропитавшихся водой матерчатых сиденьях не очень хотелось. Успеem еще.

Сэм уселся за руль, а я быстро закрепил экранчик навигатора на лобовом стекле с помощью кронштейна с присоской. Поискал гнездо прикуривателя, с радостью обнаружил рядом с ним авторозетку с крышечкой, куда и воткнул витой шнур зарядника. На черном экране появилось изображение батарейки. Затем я включил прибор, и тот через несколько секунд показал карту окрестностей в аксонометрии, сообщил, что видит четыре спутника, и отметил наше положение на карте стрелочкой. Хорошо.

— Я на Малагу маршрут проложу, а там уже посмотрим, — сказал я, тыкая пальцем в пиктограммы на экране.

— А что в Малаге? — спросил Сэм.

— Самый большой город в окрестностях. Ну и все дороги, которые на восток, ведут туда.

— Тебе видней.

Прибор предложил мне выбор между платными дорогами и бесплатными. Я предпочел бесплатные, чтобы проезжать через населенные пункты: хотелось все же осмотреться, а не просто проскочить. Джим рыкнул дизелем и быстро покатил по мокрому песку, оставив позади оторопевшего зомби, подошедшего совсем уже близко.

Навигатор сначала растерялся, не в силах привязать наше движение к конкретной дороге, потом, когда мы выехали на асфальт, все же справился и женским голосом извещил нас о том, что следует свернуть на второй по счету выезд с круга. Что мы и сделали.

Вновь была пустынная Марбелья, по которой мы ехали неторопливо, молча, настороженно оглядываясь по сторонам.

— Много машин, — единственный раз нарушил молчание Сэм. — Можно слить много топлива. Очень много.

— Здесь и мертвецов очень много — не дадут, если нашим способом сливать, — возразил я. — Нужно что-то новое. Оригинальное, так сказать. Или искать место поспокойней.

Сэм был прав: горючего вокруг было много. Но все, так сказать, в малых дозах. Пока сольешь с одной легковушки, вокруг будет толпа зомби. Отобьемся, разумеется, мы уже привычные, но со второй слить уже не дадут. А может, и не

отобьемся, а получится, как в порту в Хьюстоне, где нас целая стая мутантов осадила в конторе на пирсе. Мало тогда точно не показалось.

Так что я тоже прав: нужна какая-то новая технология слива топлива. Только она пока не придумывается, к сожалению.

— Вот здесь я джип взял, — сказал я, когда мы проехали мимо автосалона. — Надо будет оттуда еще и мотоцикл забрать.

— Куда?

— Ну когда будет куда. Вон там заправка с магазинчиком, давай притормозим.

Сэм только кивнул и завернул неторопливо кативший джип на бензоколонку. Перехватив половчей автомат, я сказал:

— Карту поищу. Ну и вообще что-нибудь.

— Хорошо, я прикрою.

Маленький стандартный магазинчик со стеклянной стеной, каких по всему миру хватает. Толкнул дверь, заглянул, сразу принохался по привычке. Нет, не пахнет мертвяками, даже чуть-чуть. Пылью пахнет, сыростью немного, запустением. Слева от входа — стойка с журналами. Взял в руку крайний, глянул мельком — «Гольф Дайджест», соответствует местности. Ну и дальше сплошной спорт, светская хроника, голые девки с силиконовыми достоинствами — обложки на все вкусы.

Магазинчик никто и не грабил, похоже. Отключенные холодильники с прозрачными дверцами так и заполнены бутылками минеральной воды и кока-колой, конфеты и шоколадки по-прежнему разложены на стендах. Взял «Марс», надорвал зубами обертку, куснул — «Марс» как «Марс», но вот почему-то вкусно получилось — жуть. словно бы от той, погибшей жизни кусочек перепал.

Так, карты... вот же они, целая куча, в самом низу. Тут и атласы всей Европы, и карты самой Марбельи, и Малаги, и Андалусии, и только Коста-дель-Соль — все есть. Сгреб в стопку, покрутил головой... ага, целый стенд батареек, вот

они точно никогда лишними не будут! Нашел сумку с логотипом «Репсол», ссыпал их туда — все, что нашел, — и вышел наружу.

Сэм стоял у машины, крутя головой по сторонам, в руках — автомат.

— Все, закончил? — спросил он меня.

— Почти, — кивнул я и спросил в свою очередь: — Пока ведь тихо?

— Тихо, — подтвердил он.

— Тогда подожди еще пять минут, — сказал я ему и опять направился в магазин.

Не ел ведь никогда всех этих «Сникерсов», а тут на тебе, словно прорвало. Перекидал их в еще одну сумку с логотипом компании, хватая с прилавка пригоршнями, радуясь добыче как ребенок. Все подряд, и знакомое, и незнакомое, и просто жвачку — все, подчистую. Потом начал открывать холодильники и выгребать оттуда напитки. Немного — на сейчас, запивать шоколадки, чтобы пасть не слиплась от переизбытка сладкого.

Когда сумку закидывал в машину, на заднее сиденье, Сэм только хмыкнул, вроде как иронически, но сразу же запустил туда руку и вытащил шоколадный батончик.

— Никогда не любил сладкого, — сказал он и разорвал обертку.

За заправкой Марбелья закончилась. Дорога вывела нас на неширокое извилистое шоссе с двумя полосами движения в каждую сторону, старательно повторявшее очертание береговой линии. Дорога мне не слишком понравилась — от встречной полосы ее отделял бетонный барьер, а от обочин барьеры металлические. Да и за обочинами ничего не было, почти везде начинались заросшие травой довольно крутые склоны. Будет затор — деваться станет некуда. Даже подумал о том, что надо было бы ехать на платную, которая шла через пустынные места и была наверняка шире, но потом все же решил своих планов не менять.

Обнадеживало то, что пока дорога была просто пустой в обе стороны, то есть сколько-нибудь проедем. И от нее

было много ответвлений. Правда, обнадеживало это меньше — если верить карте, то каждый такой съезд вел в некую «урбанизацию», из которой можно было попасть разве что обратно на шоссе. То есть все маневры были бы бесполезными: упрямся в серьезное препятствие и придется назад возвращаться. Проехать куда-то без дороги не получилось бы, скорее всего: вокруг были предгорья. Ладно, как-нибудь да выкрутимся, машина новая, проходимая, оружие есть, да и мы уже ко всему привычные.

— Похоже, все население сбежало или его съели, — сказал Сэм после того, как мы проехали несколько километров.

За это время нам попало всего несколько брошенных посреди дороги машин. Я так и не понял, что заставило людей расстаться с транспортом в таком неподобающем месте, — лишь в одном маленьком «Рено Клио» внутри сидел зомби, так и не нашедший способа выбраться наружу. Остальные машины были пусты.

Притормозили рядом с одной из них, серебристой «Асстрой», осмотрели ее со всех сторон.

— Топливо никто не сливал, — пришел к выводу Сэм.

— Верно, — согласился с ним я. — Ни дырок, ни следов от солярки на асфальте, даже пробку бака никто не открывал.

— Можно будет «надоить» себе на дорогу.

— Можно. Наверняка. Надо только способ придумать.

— Придумаем, да, сэр, — сказал Сэм, возвращаясь за руль.

Километров в семи после Марбельи увидели слева от дороги два супермаркета. Решили осмотреть, но разворота поблизости не было. Доехали до местечка с указателем «Эльвирия», где и обнаружилась развязка. Тут столкнулись с первым разочарованием: в магазинах пошарили. Витрины были разбиты, полки пусты, лишь тяжкая вонь гниющей еды волной накатывала из темных залов — мародеры забирали долго хранящееся, оставляя мясо и овощи в отключенных холодильниках, а теперь над ними висели черные облака мух.

На стоянке вокруг магазина под сине-белой вывеской «OpenCor» обнаружилось несколько зомби, вялых и скучных.

— Неплохое местечко для жизни было, похоже, да, сэр, — предположил Сэм.

Мне осталось только согласиться. Помимо двух супермаркетов на почти смежных стоянках, обнаружился чуть не десяток баров и ресторанчиков, причем вполне приличных с виду. И японский ресторан, и пара китайских, и индийский, и даже «традиционная британская кухня», хуже которой себе и представить ничего невозможно. Ну и испанские «таписерии» имелись, куда же без них.

Опять выбрались на дорогу, поехали дальше, читая указатели — Лас-Чапас, Кабопино, Калаонда, Ла-Кала, — ничего не говорящие. Сами эти «урбанизации» тоже были от дороги в стороне, ничего полезного разглядеть не получалось. Зато не было и зомби, вообще. Похоже, на дороге делать им было нечего, так что ехали мы в гордом одиночестве.

Все время ловил себя на мысли о том, что места здесь невероятно красивые: зеленые горы, сползающие к морю. Ладно, сегодня пасмурно, а как здесь в солнечный день? Ох, недаром именно в эти края ехали из России новые обладатели новых богатств, у кого каких. И сам бы, пожалуй, здесь жил — тут куда живописнее, чем в пыльной Юме, в которую меня занесла судьба.

Хотя тоже грех жаловаться на Аризону. Окажись я здесь — и с чем бы отбивался от оживших мертвецов? Это же Европа, тут оружие не так чтобы сильно распространено, — отмахивался бы табуретками, наверное. Нет, если принимать во внимание все факторы, то Юма на круг лучше выходит.

На крутом повороте дороги возле местечка Эль-Фаро мы наткнулись на скопление машин, больше всего напоминающее затор, который кто-то успел растолкать. Причем совсем недавно растолкал: на сбившихся в беспорядочную кучу машинах те места, с которых была ободрана краска, проржаветь не успели, а отсюда до воды было метров двадцать,

не более, даже мелкие соленые брызги от приборя долетали, то есть ржавчине сам бог велел появиться как можно скорее.

— Кто-то здесь ездит, — подтвердил мои мысли Сэм.

— Ага, поаккуратней бы надо, — кивнул я и с этими словами поудобней перехватил М4, на которую накрутил все, что только можно: от фонарей до оптики.

Так, на всякий случай — мало ли что и где пригодится.

Скорость, и без того невеликую, сбросили совсем.

Так и катили дальше — справа море с пляжем, хоть сейчас купайся, если волн не боишься, слева холмы, сплошь застроенные жильем или бесконечными торговыми центрами. Затем море чуть отдалилось от дороги, мелькнула желтоватая глыба под названием «Беатрис Отель», а затем мы увидели холм. Неслабый такой холм, почти что гору, со старинной крепостью на самой вершине. И над крепостью развевался флаг.

«Не испанский», — механически отметил я, потянувшись за биноклем. Сэм притормозил.

Точно, это никак не испанский — вертикальная полоса зеленая, посередине белая, а справа оранжевая. Где-то в глубине сознания скрипки заиграли «Galway girl» и вроде даже как запах пива сгустился откуда-то из пространства. Про оранжевую полосу сразу вспомнилось, что они зовут ее «золотой». Они — это ирландцы: над старым испанским фортом гордо реял флаг Ирландии.

— Чего это вдруг? — спросил я сам себя.

— Они везде пролезут, ирландцы — как вши, — ответил вдруг Сэм. — Пролезли когда-то в благословенный штат Миссисипи — и получился я.

— Вот как? — Я немного удивился.

Ирландцев в Америке очень много, но над происхождением Сэма я в принципе не задумывался.

— Так и есть, — подтвердил Сэм. — С фамилией Каллахан трудно быть не ирландцем. Даже если скажу, что это так, мне никто не поверит, да, сэр. Попробуем пообщаться?

— Ну... давай, почему бы и нет, — кивнул я.

Не начнут же в нас сразу стрелять, правильно? Ну не должны, как мне кажется. А вот узнать, что здесь к чему, не помешало бы.

Дорогу наверх нашли не сразу, пришлось объезжать холм по кругу. Между холмом и неширокой речкой, стекающей в море, за которой виднелись дома какого-то города, оказалась стоянка, а уже за стоянкой нашелся подъем. По неширокому серпантину мы в два витка доехали почти до вершины горы, где уперлись в шлагбаум. А сверху, с вершины надвратного барбикена, послышался громкий и хриплый мужской голос:

— Эй, там! Если вы в гости, то машину поставьте на стоянку.

Кричащий был не один — с ним стояло еще несколько человек с оружием.

— Туда, — сказал Сэм, кивнув налево.

Как раз с той стороны была довольно просторная площадка, на которой вполне можно было разместить автомобиль. Мертвецов или какой другой мерзкой твари вокруг видно не было, хотя под откосом несколько трупов валялось — похоже, что их отстреляли сверху, а так мертвецу сюда было бы проблематично добраться — напрямик не залезешь, очень уж круто, а сообразить, как дойти... не каждый мертвый мозг додумается.

Выбрались из машины все же настороже, оглядываясь по сторонам, и, лишь убедившись окончательно, что никакой опасности поблизости нет, скорым шагом пошли к воротам.

Снаружи форт выглядел вполне впечатляюще. Высокие мощные стены из больших камней, с зубцами поверху, башни по углам и над воротами, причем дорога в ворота поворачивает под прямым углом, а так все время идет прямо на башню — идеальная позиция для обороны: и продольным огнем накрывать наступающих можно, и со стен прямо на головы кидать всякое.

Ворота серьезные, из толстеного бруса и железа, и их приоткрыли прямо перед нами, мы даже постучаться не

успели. Какой-то темноволосый круглолицый парень махнул рукой, приглашая зайти внутрь, а затем створка с глухим стуком затворилась.

Нас окружили пятеро вооруженных, но не враждебно настроенных мужчин — скорее наоборот. Среднего роста человек, бледный, с темными короткими взъерошенными волосами, одетый в самую обычную рубашку с закатанными рукавами и серые брюки и вооруженный каким-то очень знакомым с виду и в то же время непривычным автоматом, сказал:

— Привет, я — Дэйв. Вы откуда взялись и как к вам обращаться?

Акцент у него был такой, что я с трудом понял, что он сказал. Четверо мужчин, стоящих рядом и вооруженных точно так же, промолчали, явно следя при этом за нашими руками. Мы представились, а вот сказать «откуда взялись» — откровенно затруднились. Сказали лишь только, что приехали со стороны Пуэрто-Бануса. Для завязки разговора этого хватило, и нас без лишних церемоний пригласили дальше. Дэйв пошел с нами, а четверо мужчин остались возле ворот.

Только теперь я огляделся. Большой прямоугольный двор крепости был условно разделен на две половины. Ту, что слева, занимали автомобили, в основном внедорожники, а у дальней стены стояли три автоцистерны, явно с запасом горючего, вызвав у меня одним своим видом приступ неумеренной зависти. Вторая половина сплошь заставлена туристическими кемперами, теми самыми RV, в которых нам довелось пожить еще в Аризоне, после бегства из города. Разве что отличались от американских они очень сильно, хоть сразу и не скажешь чем: совсем другой стиль.

Людей в крепости скопилось много — и мужчин, и женщин, — правда, детей не было заметно совсем. Заняты были кто чем, но общее впечатление сложилось такое, что все повально сортируют и упаковывают добычу, причем

разнообразную — от консервов до одежды. Как к вывозу готовят.

На стенах виднелись часовые — трое, глядящие в разные стороны. Здесь чувствовалась атмосфера некоего спокойствия, было ощущение безопасности. Крепость — она и в Испании крепость, сейчас такая никому не мешает.

У дальней стены вытянулись ярмарочные палатки с навесами, возле которых сгрудились пластиковые столы и стулья, явно вывезенные из магазина садовой мебели, прикрытые от дождя разборными тентами. Здесь раньше наверняка была какая-то торговля сувенирами, а вот теперь все стало очень по-ирландски — открыли бар. В одной из палаток сгрузили огромное количество алюминиевых бочек с пивом «Сан-Мигель», а столики сгрудились поближе к прилавку, так, чтобы сидящим за ними бегать было недалеко.

Впрочем, сейчас за столиками и в палатке никого не было — видать, развлекаются здесь по вечерам, а сейчас все при деле.

Дэйв жестом пригласил нас за один из столиков, а сам зашел за стойку, спросив:

— Что вам предложить?

Внутренний голос сказал: «Проси минеральной, еще дел полно!» — но язык сработал сам, без участия мозга и внутренних голосов:

— Пива.

— Пива, — эхом отозвался Сэм.

Дэйв ловко подхватил два высоких бокала, поставил под воткнутым в стойку краном, потянул ручку, косо подставляя бокал под струйку и не давая подняться пене. Наполнил один, второй, потом еще один, поменьше, уже себе. Принес за столик и расставил, да еще культурно, на картонные кружочки. Перехватив мой взгляд, пояснил со своим жутким акцентом:

— У меня был бар в Эльвирии. Ирландский, разумеется.

— Вы здесь главный?

— Пожалуй, что так, у ирландцев всегда главный тот, кто наливает выпивку. Остальные от него зависят почти полностью и почитают его святым.

Говорил он быстро и совершенно неразборчиво, шутил с непроницаемо серьезным лицом. Впрочем, налет непроницаемости слетел очень быстро — после того как мы сказали, откуда мы действительно взялись. Помолчав, он даже предложил нам что-нибудь покрепче, но тут мы уже отказались.

— И что теперь? — спросил он после затянувшейся паузы.

— Теперь мы хотим понять, что делается вокруг, — сказал я, открывая карту местных дорог. — Сообразить, где можно разжиться подходящим транспортом и где можно слить горючего.

Дэйв пожал плечами, сказав:

— Горючего вокруг пока много. Машины брошены, можно найти и то и другое. Пока всего много.

— А люди есть?

— Отсюда на запад мы не видели ни одного человека до самого Сотогранде, — ответил он. — Здесь такое творилось, что страшно даже рассказывать, — поэтому все ушли, кто выжил.

— Много выжило? — спросил Сэм.

— Здесь? Нет, здесь немного, — покачал он головой. — Почти всех сожрали. Кто выжил — ушел в горы. Мы как-то организовались, удалось добыть оружие.

— Это как? — полюбопытствовал я.

— Ну ты знаешь, где ирландцы, там всегда найдется оружие, — засмеялся он. — А вообще подсказали люди: эти винтовки, — он показал на свой автомат, — сняли с вооружения и сложили на склад, на старой базе в Ла-Линеа. А дальше... в общем, удалось до них добраться.

Я опять посмотрел на оружие, пытаюсь понять, чем же он вооружен. По виду нечто вроде уменьшенной немецкой G3, но явно под 5.56, магазин как у моей M4, стандартный на-товский. И приклад хеклеровский, его ни с чем не спутаешь.

— «Хеклер-кох»? — спросил я.

— Нет, хотя похоже, да? — засмеялся он. — Это испанская винтовка, СЕТМЕ, ими раньше испанская армия была вооружена.

— А теперь ирландское ополчение? — уточнил я.

— Вроде того, — опять улыбнулся он. — Ладно, на чем мы остановились?

— Есть кто живой на побережье? — напомнил Сэм.

— Кажется, только мы, — ответил Дэйв и сразу добавил: — Но здесь у нас временная база, живем в другом месте. Ла-Майрена, знаете?

— Откуда? — удивился я вопросу.

— А, ну да, — спохватился он. — Это «урбанизация» возле Эльвирии, но уже в горах. Туда всего одна дорога и один мост, мертвецы не добираются почти, а люди все бросили — виллы, апартаменты, даже теннисный клуб. Хорошо устроились, в общем. В теннис играет? Если играет, то могу пригласить. В гольф не предлагаю — и сам не умею, и поля везде заросли, а зомби их не стригут.

— Много вас? — с удивлением спросил я.

— Около пяти сотен, — ответил он. — Здесь ирландцев и англичан жило почти полмиллиона, так что ничего удивительного. А в остальном... здесь все бросили, так что пока жить получается.

— А дальше?

— Там видно будет, — пожал он плечами.

Я кивнул на ряд RV, спросил:

— Откуда такая роскошь?

— Там, на въезде в Малагу, прокат таких был. Вот мы и вывезли.

Вспомнилась наша эпопея, заодно помечталось о чем-то таком, вроде подобного жилого транспорта с огромным баком, и чтобы полный привод, и чтобы... ну как у тех «пляжников», что мы встретили в Аризоне и с которыми катили до Нью-Мексико, попадая из проблемы в проблему. Это путешествие на роскошной яхте расслабило, наверное: до этого ехал в развозном фургоне «Шевроле» — и радовался

тому, что вообще цел остался. К хорошему привыкаешь, не зря так говорится.

Дэйв между тем сказал уже нечто интересное:

— Дорогу к Малаге патрулируют военные, зачем — не скажу, понятия не имею. У них застава на перевале, но в принципе никого не трогают и никому не мешают, так что можете проехать. Советую свернуть к аэропорту — там указатели сохранились, это вот здесь... — Он сделал пометку на карте. — Но в сам аэропорт не сворачивайте, езжайте дальше, и вот здесь...

Я чуть сдвинулся в сторону, чтобы удобней было разглядывать карту.

— ...Вот здесь поворот... и развилка. — Он продолжал чиркать по бумаге карандашом. — Вот дорога к порту, там полно складов, а вот сюда — в местную индустриальную зону. Она очень большая.

— А что там есть? — спросил Сэм.

— Склады. Тысячи всяких складов. — Дэйв даже руки в стороны развел, показывая, как много там всяких складов. — Стоянки машин. Множество брошенных грузовиков. Что угодно. Там даже оружейный магазин был, кстати, вот здесь. — Он поставил крестик на пересечении каких-то улиц. — Если вам надо найти грузовик и слить топливо — лучше места не найти. Там даже дилеры грузовиков есть, вот здесь... здесь... здесь... здесь «Ивеко», кстати, огромная стоянка у них... и вот тут, «Мерседес». Понятно?

— Грузовики — это хорошо, да, сэр, — сказал Сэм. — С этим мы справимся.

— И с европейскими? — спросил я скептически.

Сэм только фыркнул, словно даже не желая комментировать мою глупость.

— Ну что же, — сказал я, глянув на часы и поднимаясь из-за стола, — спасибо за гостеприимство. Попробуем поехать в Малагу.

— Если хотите, можете подождать, минут через пятнадцать в порт поедет команда от нас, можете присоединиться, — сказал Дэйв. — Вам почти по пути.

— Да? — обрадовался я. — Сэм, подождем или как?

— Пятнадцать минут ничего не решают, лучше подождать, — сказал Сэм, пока еще не допивший пиво.

Дэйв что-то сказал в простенькую туристическую рацию, и вскоре к столику подошли двое мужчин. Один был маленький, круглолицый, носатый, с брюшком и акцентом еще более ужасным, чем у Дэйва. Он представился нам как Полли, но Дэйв отрекомендовал его как Наполлиона, нимало того не смутив. Полли вообще был дружелюбен, жал руки, хлопал по плечу и с удивительной скоростью поглощал, одну за другой, две кружки пива, что никак не вязалось с его размерами.

Вторым был крупный парень с толстой золотой цепью на толстой шее и прической в стиле наших «ревущих девяностых», то есть стриженный под «ежик». Тоже круглолицый, белокожий, с постоянно удивленно поднятыми бровями, он был представлен как Брайан, что прозвучало скорее как «Бруйн». Акцент у «Бруйна» был вроде как у Дэйва, то есть понимать можно, если сильно вслушиваться. Пива, разумеется, он тоже сразу попил.

Вооружен же он был чем-то интересным — самым настоящим немецким MG-42 военных лет, только поменьше размерами, с обычным коробом с лентой снизу вместо тог-дашнего «барабана», и главное — патроны в том кусочке ленты, который был виден, вставлены были другие — обычные автоматные 5.56.

— Это что у тебя? — не выдержав, спросил я.

— «Амели», — ответил Брайан, гордо тряхнув пулеметом. — Испанская машинка, стрижет как газонокосилка. Тысяча двести выстрелов в минуту.

— А как оно против мертвецов? — немного удивился я.

Пулемет сложно рассматривать как оружие точное. На мертвецов я бы с ним точно не пошел.

— А никак, — оправдал мои подозрения Брайан. — А вот против «прыгунов» очень неплохо работает.

— «Прыгунов»? — переспросил Сэм. — Это те, которые?..

Он изобразил нечто невнятное руками, но ирландцы поняли его сразу, подтвердив — да, это как раз и есть мутанты, или суперы.

Ну все верно. Если данный пулемет выпускает в секунду двадцать пуль, то им можно просто в куски порвать любую тварь на близком расстоянии.

— А много их здесь, «прыгунов»? — поинтересовался я.

— Немало, — сказал Наполлион, важно кивнув. — Каждый выезд видим, без них куда.

Откуда-то прибежала крашенная в ярко-красный цвет некрасивая девица с обильным пирсингом и вооруженная пистолетом, выругалась нецензурно и спросила — какого черта тут все ошибаются, когда машины готовы к выезду? Все засуетились, быстро допили оставшееся в бокалах пиво — чтобы врагу не оставлять, наверное, — и пошли в сторону ворот. По пути спохватились — вспомнили, что связь пока не налажена, после чего дали нам номер канала.

Действительно, у ворот стояли две машины — большой грузовик «Ивеко» с тентом и подготовленный для внедорожных гонок старый «Лендкрузер» на мощных зубастых колесах, расписанный в разные цвета, обклеенный рекламой, с силовым бампером и серьезной лебедкой. К моему удивлению, рыжая полезла за руль грузовика, а Полли с Брайаном втиснулись во внедорожник.

Нам нашлось место в кузове «Ивеко», где сидели еще шесть человек, вооруженных все теми же СЕТМЕ. Машина тронулась с места, медленно и аккуратно выехала в крепостные ворота и вскоре остановилась, высаживая нас на стоянке. Нас даже прикрывали, пока мы забирались в «Рэнглер», после чего голос Наполлиона в рации предложил стать в колонну за «Тойотой». Как мы и поступили.

Наш маленький конвой медленно спустился по серпантину, при этом «Лендкрузер» сбил бампером незнамо как забредшего сюда мертвеца, который, отлетев назад, скатился по склону вниз.

Затем вновь тянулось шоссе, по которому разогнались примерно до восьмидесяти километров в час, пустынное

и мрачное. Слева от него шло бесконечное скопление всевозможных торговых центров, а справа был город Фуэнхирола, в котором, похоже, мертвяков хватало, насколько удалось рассмотреть с дороги.

Потом город остался в стороне, а машины выбрались на широкую шестиполосную дорогу, одну из тех, что в этих краях назывались «карретерами», и покатали по ней, поднимаясь все выше и выше. Шли и постепенно, и плавно, но в конце концов я ощутил недостаток давления — вроде как слегка уши заложило — и вынужден был несколько раз сглотнуть, чтобы убрать неприятное ощущение. Эдак примерно на километр забрались, наверно.

Слева вплотную прижимались к дороге горы, справа, между склонами и морем, раскинулись внизу курортные городки, перетекающие один в другой. Названия их попадались на указателях: Фуэнхирола, Беналмадена, Торремолинос. В одном месте я засмотрелся на висящие вагончики канатной дороги, ведущей откуда-то сверху куда-то в сторону берега, и мне стало как-то грустно. Грустно потому, что никогда эти вагончики уже никуда не поедут, не повезут туристов с детьми, никто не будет заполнять пляжи этого места, есть паэлью в ресторанчиках на набережных, фотографироваться у достопримечательностей, играть в гольф в многочисленных здесь клубах. Такое было веселое место, и вот на тебе, всех съели. Обидно.

Перевал заняли военные — в этом Дэйв не соврал. Две БМП¹ неизвестной мне марки с дополнительными плитами на вытянутом носу перегородили дорогу наполовину, направив в разные стороны длинные тонкие хоботы автоматических пушек. Рядом с ними стояли два внедорожника. Первый показался мне сначала американским «Хамви», но потом я заметил отличия — где в пропорциях, где в форме панелей, а заодно и в загадочной надписи URO на капоте. Второй выглядел «Лендрровером Дефендер», кото-

¹ Боевая машина пехоты.

рый тоже оказался вовсе не «Лендрровером», а его подобием с надписью «Santana».

Кроме того, на невысокой скале, нависающей над самой дорогой, за камнями был оборудован настоящий опорный пункт, где я заметил и крупнокалиберный пулемет, и автоматический гранатомет, и солдат с десятком.

Мы лишь притормозили, и Полли, высунувшись в окно машины, перекинулся несколькими фразами с солдатами, сидящими на броне. Похоже, друг друга они знали хорошо и проблем не ожидалось.

Так и получилось: нас пропустили беспрепятственно, и конвой понесся по идущему под уклон шоссе.

После того как дорога свернула к аэропорту, пейзаж резко изменился — дальше пошла самая настоящая промзона. Огромные ангары, оптовые магазины, склады, что-то еще в том же духе. На следующем после аэропорта повороте мы расстались. Ирландцы свернули туда, куда указывал знак «Пуэрто», а мы погнали в противоположную сторону, перевалив по горбатуму путепроводу на другую сторону шоссе.

На самой верхней точке эстакады мы остановились и выбрались из машины с картой в руках, чтобы оглядеться.

Какой-то сверхогромный компьютерный, за ним гигантский хозяйственный «Баулэнд», знакомый еще по Москве. Прямо под нами, сразу после спуска с эстакады, большая и пустынная стоянка «Прокат мобильных домов» — похоже, отсюда ирландцы свои и угнали, благо она была почти пустой.

Дальше дорога ремонтировалась. Было много грязи, ям, каких-то заборов, но вроде проехать было можно. Это обнадеживало, потому что возможность обойтись без дорог здесь была около нуля в силу рельефа местности, изобилующей канавами, заборчиками и еще черт знает какими препятствиями.

Еще в воздухе заметно смердело, но не мертвечиной, а так, как пахнет от переполнившейся канализации, то есть все равно тошнотворно.

— Ладно, поехали, — сказал я, забираясь обратно в кабину джипа.

Место буквально нагоняло напряжение — черт знает, почему так. Вроде и мертвецов почти не видно — промзона все же, и растерзанные трупы нам всего дважды на глаза попались, а все равно как-то нехорошо здесь было. Может, из-за того, что промышленный пейзаж и по замыслу вовсе не предназначен был радовать взгляды, а в дождь, расквашивший строительную грязь, картина стала мрачной и подавно; может, из-за чего-то другого, — но вот такой эффект получался.

Я тоже ни на секунду автомата из рук не выпускал, высовывался в окно, постоянно оглядывался в заднее стекло, но при этом никакой опасности заметить не получалось.

— Грузовик, — сказал Сэм, показав на здоровенный «Рено» с крытой фурой, съехавший правой стороной в раскопанную строителями грязь и прочно в ней застрявший.

— Не, не пойдет, — покачал я головой.

— Бак проверь, — вздохнув, сказал Сэм.

А, ну да, ступил я чего-то. Джип остановился у грузовика, я выбрался из кабины, оглядываясь, поводит маркой коллиматорного «Эо-Тех» по окрестным строениям, но так никакой угрозы и не обнаружил.

Пробка с огромного бака грузовика свинтилась легко, а вот заглянуть туда или даже простучать его не получалось. В конце концов удалось замерить уровень, сунув туда подобранный с земли кусок упругой пластиковой трубки неизвестного назначения, и это привело к выводу, что баки почти наполовину полны соляркой.

— Сколько в таком топлива? — спросил я.

— Галлонов двести пятьдесят в обоих баках, — ответил он.

Я мысленно выматерился, примерно перевел галлоны в литры и получил почти что тысячу, чуть меньше. То есть если этот бак полон наполовину, а второй пуст, то все равно больше двухсот литров можно слить. А неплохо вообще-то: так откачай из десятка грузовиков — и...

Забравшись в машину, я сказал:

— Ладно, с этим все ясно, поехали дальше.

Грузовиков вокруг разбросано много, а мертвецов пока не видно. Но все равно заниматься откачиванием с нашим простеньким инструментом было как-то страшновато: в голове крутились слова ирландца о том, что они «прыгунов» видят в каждом выезде. Не значит ли это то, что мы тоже обязательно встретимся? Тем более что сливать топливо было некуда: шланг с помпой есть, а вот канистр мы не брали. Мы ведь пока не за этим.

Вот так, помяни черта к ночи — а он тут как тут. Мутанта заметил Сэм, сказавший:

— Смотри направо, вон туда, видишь?

Он указал рукой. Я всмотрелся, но ничего не заметил.

— За маленьким белым фургоном, сейчас покажется, — сказал Сэм.

Точно, показался. Высунулся и спрятался обратно, но разглядеть я его все же успел — тот самый классический «бабуин», который напал на меня на складе в Юме. И осторожный, как все они.

— Ладно, давай дальше, просто аккуратней, — принял я решение.

Сэм лишь кивнул и вновь тронул машину с места. Мутант за нами не гнался, но расслабляться не стоило — эти твари достаточно хитры для того, чтобы подкрадываться незаметно. Где один есть, там и второй найдется. А то и куда больше, как тогда в порту. Сколько их было, штук шесть? Вот мы повеселились тогда, до сих пор икается.

Дорога вильнула возле заправки с надписью, уже привычно информирующей о том, что топлива нет, а затем по левую руку показались стоянки автоторговцев — огороженные сетками пустыри, грязные, неряшливые, кое-как засыпанные гравием. Похоже было, что кто-то просто сдавал их торговцам в аренду временно, явно рассчитывая в будущем продать под какой-нибудь торговый центр.

Первая стоянка удивила добрым десятком новеньких грузовиков с бетономешалками, выстроившихся в один

ряд. Там же были непривычно длинные самосвалы, стоящие с высоко поднятыми кузовами, и прочая сутуго строительная техника, большая, тяжелая и до солярки жадная. За вторыми воротами были просто грузовики, самые разные, но все не новые — от слегка поездивших и до полного уже хлама. Сэм на эту стоянку свернул, но ничего подходящего не нашел, все морщился и не очень прилично выражался сквозь зубы.

Все, что мы видели, было рассчитано на хорошие европейские дороги, в крайнем случае на укатанные грейдеры возле строительных площадок, а такая машина намертво привязала бы нас к дорогам. Случись какой затор или что другое — и ищи новый путь.

Опять выезд на грязную под дождем дорогу, въезд в следующие ворота, такое же разочарование — или старые легковушки, или такие же древние мобильные дома, или вообще не пойми что. С этим тоже понятно — более или менее привычным секунд-хендом торгуют наверняка в городе, а в таком месте, как это, продают самое дешевое, на что хватит даже нелегалу, расплатившемуся последними наличными. Или то, что используют строители и владельцы складов, каких в округе прорва. А им проходимость ни к чему.

— Куда теперь? — вздохнул Сэм, заметно разочарованный.

— У нас есть два варианта, — сказал я, разглядывая карту. — Можно доехать до дилера «Ивеко», это вот здесь, на перекрестке налево, а можно до оружейного магазина — убедиться, что он разграблен и мы зря туда тащились. Это вот сюда, направо.

— Поехали налево, — решил Сэм совершенно разумно.

Надеяться на то, что оружейный магазин в этих безоружных краях мог уцелеть, было бы по крайней мере наивно, не говоря большего.

Дорога в нужную нам сторону оказалась заблокированной — там сбились в пробку и замерли теперь на века несколько десятков машин. Из-за ремонта дороги выезд на перекресток был очень тесным, и похоже, что туда

ломились, наплевав на все знаки и правила, сразу с трех сторон. Потом — авария, два грузовика сцепились бортами, сползание большого фургона в канаву, потом кто-то бросил свой транспорт и пошел пешком — все, этого уже не растащишь.

— Не проедем, — сказал Сэм.

Мне осталось только согласиться.

— Давай вокруг попробуем — может быть, этот квартал объедем, — предложил я, показав маршрут на карте.

Сэм всмотрелся, кивнул, сказал:

— Может, и получится, поехали.

Я вновь заметил мутанта. Он явно преследовал нас, но нападать не решался и перемещался от укрытия к укрытию. Неприятно. Неприятно знать, что ты все время должен смотреть самому себе за спину, ожидая нападения в любую минуту. Так эта зараза вообще ничем не даст заняться. А такого пулемета, как у «Бруйна», у нас нет. А жаль. Мне даже вспомнился «Миними» убитого наемника на аэродроме в Уичите — обидно, что не было времени подобрать.

Машина выехала на неожиданно широкую улицу, по левой стороне застроенную складами, а справа тянулось длинное-длинное двухэтажное здание, состоящее сплошь из офисов, банковских отделений и ресторанчиков. Видать, было в свое время местным центром деловой жизни.

А затем со мной случился шок. У перекрестка, кругового движения, топталось несколько зомби. Все женщины, наряды которых никаких сомнений в их бывшей профессии не оставляли, — проститутки. Уличные. Из недорогих, наверное, причем не испанки. Декольте до пупа, чулки-сеточки, шорты меньше трусов, волосы невероятного цвета. Все рваное, грязное, покрытое немалым слоем размывающейся под дождем грязи. Они тупо стояли на месте, замерев, и явно никуда не собирались.

— Они... я слышал, что остатки памяти сохраняются, — сказал я, озадаченный до полной невозможности таким их скоплением на перекрестке.

— Они на работе, приятель, — сказал Сэм в ответ. — Сейчас подъедет потрепанный пикапчик с зомби, у которого нашлась лишняя двадцатка, и он отъедет куда-нибудь за поворот с одной из этих сук.

— Я не хочу даже представлять сцену «zombie blow job», — сказал я. — Я сегодня завтракал.

— Никто и не настаивает, — хмыкнул Сэм.

Как бы то ни было, но мертвые проститутки пошли за нашей машиной, словно сожалея о том, что теряют таких славных клиентов на таком хорошем новом джипе, но вскоре отстали.

Оружейный магазин показался на следующем перекрестке. Если верить надписям, он был еще и тиром с несколькими залами, и еще бог знает чем и оказался, естественно, аккуратно вывезен. При этом все было заперто, даже ворота на стоянку, мне пришлось перелезть через забор и заглядывать внутрь через затемненное стекло. Жаль. Хотя удивляться абсолютно нечему. Будь я хозяином — сам бы вывез до последней пульки к духовушке.

Объезд вокруг квартала сработал: мы добрались до стоянки «Ивеко» по вполне свободной дороге — видать, все, что здесь раньше ездило, застряло в заторе или нашло другие пути. Большой ангар, огромная стоянка, десятки и десятки машин, все как на подбор со светло-серыми кабинами, что удивило. Здесь других не брали или что? Грузовики бортовые, самосвалы, фургоны, тягачи, развозные фургончики «Дейли» — все, что угодно. И ни одной машины для бездорожья. Вообще ни одной.

— Что будем делать? — спросил я у Сэма.

Тот выглядел озадаченным. Сдвинув шляпу и почесав затылок, он сказал:

— Грузовик все равно нужен, так что надо взять что-нибудь. А потом, если получится, сменим. Эти хотя бы новые.

— А что именно?

Сэм задумчиво оглядывал машины вокруг, затем подошел к относительно небольшому бескапотному грузовику

с короткой, сдвинутой вперед кабиной и с надписью «Евро-карго» на решетке, постучал по гулкому борту кабины.

— Вот это, пожалуй.

— Хм...

Может, и верно. Машина не слишком большая, к сожалению, невысоко сидящая над дорогой. Небольшой кузов с откидными бортами из штампованного алюминия, и самое главное — самый настоящий кран между кузовом и кабиной, компактно сейчас сложенный.

— Мечта мародера, — сказал я, разглядывая машину.

— Точно, — подтвердил Сэм. — Кстати, твой мотоцикл теперь увезем запросто.

— Это да, — согласился я. — Заведешь?

— Дай мне минут десять-пятнадцать спокойной возни, чтобы ничего не ломать, — сказал он. — Тогда смогу переделать все на кнопку.

— Там наверняка есть ключи, — показал я на дилерскую контору. — Машины же на продажу — как же без ключей?

— Это верно, — согласился Сэм. — Давай сходим.

Я это уже не раз проходил. Стоянка RV в Юме, гараж в Хьюстоне, автосалон уже здесь, в Марбелье. Ключи должны быть, куда они денутся.

К конторе решили подъехать на джипе, для того чтобы свести пешие хождения к минимуму. Пусть всего полста метров, но если, например, придется убегать со всех ног, то машина должна стоять рядом с дверью. Про шляющегося где-то совсем поблизости мутанта мы пока не забыли.

Контора оказалась незапертой, распашные двустворчатые двери легко распахнулись от толчка. Света через пыльные стекла внутрь попадало немного, да и на улице было пасмурно, поэтому включили фонари. Два ярких луча разрезали густой сумрак словно лезвиями ножей. Было тихо, мертво и, что хуже всего, — пахло мертвечиной. Сильно пахло, и не зомби с какой-то ацетоновой примесью, а именно падалью, разлагающимся трупом. Кучей трупов.

— Смотри под ноги, — сказал я, посветив вниз.

На улице дождь, похоже, смыл все следы, а прямо у нас под ногами остался след волочения — размазанная по каменной плитке запекшаяся кровь и слизь. То, что здесь проволокли чье-то тело, никакого сомнения не вызвало.

Сэм выругался, сделал пару шагов вперед, затем остановился, явно озадаченный. Я тоже пребывал в растерянности. Понятное дело, что ключи от машин мы сейчас найдем, но шляться по этому темному и большому помещению, к тому же с многочисленными смежными комнатами, было откровенно страшно. Словно какая-то сигнализация включилась где-то внутри, посылая сигналы «Не лезь!» прямо в мозг.

— Точно сможешь без ключей все сделать? — спросил я.

Голос звучал странно, от волнения начисто пересохло горло.

— Сказал же, что смогу, — быстро ответил Сэм, отступая обратно к двери.

Я обернулся к двери, и единственное, что успел сделать, — рвануться в сторону, потянув за собой Сэма. Темная туша врезалась в створки, распахнув их настежь, пролетела дальше, пытаясь зацепиться когтями за полированный каменный пол, но продолжая скользить, не в силах остановиться. Луч фонаря вырвал из темноты бугристую мерзкую серую тушу, просупающий через кожу хребет, мощные мышцы.

Автомат загрохотал, завибрировал в руках, выбрасывая короткие очереди одну за другой в сторону мутанта, который все никак не мог развернуться. Я видел, как за маркой прицела пули рвали мертвую плоть, разбрызгивая что-то бурое и отвратное даже на вид.

Когда я дернул Сэма на себя, он споткнулся и упал, хотя и быстро вскочил. И когда затвор моего оружия встал на задержку и я закричал: «Пустой!» — Сэм уже вскинул короткий «Коммандо».

Перекинуть пустой магазин «Спарки» на полный было делом секунды. И когда уже Сэм отстрелял в дергающегося мутанта еще тридцать патронов, я опять открыл огонь. Грохот очередей колотил по ушам, эхо суматошно металось между стенами, запах пороха перебил запах мертвечины,

от ствола уже тянуло жаром через накладку, а тварь все не затихала.

— Пустой! — вновь заорал я.

— Стой! — крикнул Сэм, удерживая «Коммандо» наготове. — Смотри!

Лязг сорвавшейся с задержки затворной рамы, легкий толчок после того, как она встала в переднее положение. Только потянуть пальцем...

Тварь крутило на полу, она дергалась, было слышно, как щелкают зубы, — и все, никто на нас не бросался.

— В хребет ты ему попал, похоже, — сказал Сэм. — Или я, все равно.

— А ведь точно, — кивнул я. — Ну пусть так и валяется — уходим.

Сэм лишь кивнул, и мы выскочили через дверь наружу, одновременно с наслаждением вдохнув чистого воздуха.

26 мая, суббота, утро
Коста-дель-Соль, окраина Марбельи

С зажиганием грузовика Сэм справился минут за десять. Тот завелся с первой же попытки, выбросив клуб черного вонючего дыма из трубы — долго простоял. Солярки в баке оказалось едва на доньшке, продавец лишних затрат нести не хотел, справедливо полагая, что покупателю ничего не стоит доехать до ближайшей заправки, до которой отсюда было примерно с пару километров.

Поскольку заправка оказалась опустошена, мы доехали до того самого грузовика с прицепом, в баке которого я замерял уровень оставшегося топлива. Протолкнув шланг, перекачали в бак «мародера», как я сразу назвал добытый грузовик, примерно литров двести солярки. Пока точно хватит, останется только бочками кузов загрузить — благо на «Проныре» их хватает.

Заправили машину без происшествий, хотя пара заблудших мертвецов к нам все же подтянулась. Но на этом открытом со всех сторон месте угрозы они не представляли,

и я просто убил обоих, подпустив метров на пятьдесят, чтобы стрелять наверняка.

Дорога назад никаких поначалу сюрпризов не принесла. Пусто, дождливо, ветрено. Военные нас остановили, просто расспросив, кто мы такие и куда едем. Представились случайно оказавшимися в этих краях людьми, собирающимися уехать на север. Этого хватило, к тому же нам посоветовали, если мы вдруг решим здесь остаться, двигаться в сторону Ронды. Как мы узнали, именно там базировался Испанский легион, который и сумел удержать ситуацию в руках. Местность там горная, дорог мало, и все они легко перекрываются, так что целая область для мертвяков недоступна, и там шла почти что нормальная жизнь.

Поблагодарив за совет, мы с солдатами расстались вполне по-дружески. Спустились с перевала, проехали мимо Фуэнхирола, поприветствовали по радио гостеприимных ирландцев из форта, выслушав в ответ такую фразу, какой общими усилиями понять не смогли.

Неторопливо добрались до Марбельи, до автосалона «Крайслер-Джип», где и обнаружили мой мотоцикл в целости и сохранности. Подцепив его краном, легко закинули в кузов, и я даже восхитился такой «грабительской» конструкцией машины. Подъехал куда надо и что хочешь сам себе загрузил. Благодарить.

А вот затем мы решили, чувствуя себя вполне освоившимися на местности, проехать по другой дороге. Просто так, чтобы посмотреть, что там делается.

Первым, что привлекло наше внимание, был гигантский торговый центр «Ла Каньяда». Такой современный, длинный, чем-то напоминающий корабль, много стекла и лакированного дерева. Мы туда свернули из чистого любопытства, никакой разумной мотивации у нас не было. И лишь позже, поднимаясь по развязке в сторону невероятной по размеру открытой стоянки, я сообразил, на что смотрят мои глаза — на вполне современного вида здание с несколькими воротами для машин и пожарной каланчой.

На нем было написано «Parque de Bomberos», то есть это и была пожарная станция.

— Заглянем? — спросил я в надежде раздобыть там что-то полезное, например бочку, в которую можно накачать сразу много топлива и не мучиться.

— Попробуем, — согласился Сэм.

Когда выехали наверх, обнаружили, что на стоянке у торгового центра, до которого было метров пятьсот, скопилось много мертвецов. Пока они выглядели неактивными и на нас внимания не обращали, но кто знает, что дальше будет...

Все ворота пожарной станции были закрыты, заглянуть за них было бы проблематично. Зато открыта дверь в дежурку, видна пустая комната, стойка у дальней стены.

— Сэм, я посмотрю, следи за мертвяками, — сказал я в рацию.

— Уверен?

— Бочкой бы разжиться, — объяснил я свою идею.

— Только без риска, — ответил Сэм, что, в сущности, подразумевало, что он не против.

— Да, сэр, — ответил я.

Один зомби обнаружился сразу — он сидел возле стойки дежурного и, похоже, выходил из спячки. Он был медленным, вялым и даже явно с трудом сфокусировал взгляд на мне. Хлопок «Зиг-Зауэра» с глушителем был совсем негромким, я даже услышал, как стукнулся его затылок о деревянную стенку. Тело обмякло, на стенке осталось пятно бурой слизи, мерзко запахло.

Больше на меня никто ниоткуда не бросался, и я огляделся. Похоже, покидали место в спешке: какие-то бумаги разбросаны по полу, телефон тоже валяется под ногами, стекло в двери, ведущей внутрь здания, разбито. Мертвяк под ногами еще пованивает.

Я подошел к двери с табличкой «Cochera», потянул — дверь распахнулась. Заглянул — и охнул: в огромном темном зале стояло несколько красно-белых машин, самых разных. Я даже разглядывать их не стал, метнулся сразу

к стойке, перескочил резвым паркурром на другую сторону, распахнул шкаф в поисках ключей... Вот они, все здесь, и бирочки с номерами!

— Сэм!

— Что случилось?

— Сэм, есть бочки, много. Причем на колесах.

— Иду.

Послышались быстрые шаги, Сэм забежал внутрь.

— Что? Где?

— Там.

— Пошли.

Вновь распахнули дверь, включили фонари — окна в гараже были маленькие и под самым потолком, света давали мало. Зато мертвечиной не пахло вообще, что обнадеживало.

У самой двери увидели маленький развозной фургончик «Пежо». Судя по биркам на ключах, здесь еще обычно стояло несколько внедорожников — разных, от «Витары» до «Дефендера», но вот их-то как раз и не было ни одного. Впрочем, нам они и без надобности. А вот дальше стояли обычные пожарные машины. Три обычных, городских, низких и широких, а вот еще три заставили восхищенно замереть.

— Зачем им здесь такие? — спросил я.

— Здесь лес кругом и горы, — ответил Сэм. — Лесные пожары кто тушит, по-твоему? Эти же ребята, да, сэр.

Три машины были такими, какие можно вообразить разве что в мечтах: высоко сидящие, на мощных колесах, однозначно полноприводные. Два «Мерседеса» и один URO, на капоте виднелась такая же аббревиатура, как и на испанских военных джипах, что видели на перевале.

— Это бочка? — спросил я, все еще пораженный.

— Это бочка, — кивнул Сэм. — Вон там написано, видишь? Две тысячи семьсот литров. Это сколько галлонов?

— Мм... примерно семьсот, — прикинул я.

Я поглядел на «унимог», там тоже был объем указан... К тому же он вообще уважение вызывает: лебедка и даже каркас безопасности наружный — что еще нужно?

— Тут вообще три с половиной тысячи! — крикнул я, обернувшись.

Сэм подошел ближе, посмотрел, сказал:

— Верно. Думаю, что с запчастями к «Мерседесу» тоже получше будет, как полагаешь?

— Наверняка, — кивнул я.

Действительно, URO — машина испанская, черт ее знает, что там внутри.

— И знаешь еще что? — спросил меня Сэм.

— Что?

— Такие машины умеют не только поливать водой.

— А что еще?

— Они умеют набирать воду, понимаешь?

— Не совсем, — прищурился я, чувствуя, что тормознул.

— Эта бочка может высасывать топливо из баков со страшной скоростью, да, сэр, — сказал Сэм. — Она будет как вампир, понимаешь?

Я лишь кивнул. А ведь верно, тут целый насос на колесах, куда там до него нашему механизму с ручным приводом. И плюс кабина — большая, просторная, многоместная кабина.

— Я думаю, что эта машина нам точно подойдет, так? — спросил я.

— Да, сэр, — сказал Сэм, как всегда, когда уровень эмоций повышался, — эта машина нам точно подойдет. Здесь даже лебедка есть, мы проедем где угодно.

— Слушай... — осенило тут меня мыслью, — а от солярки резинки не развалятся?

— Если и развалятся, то очень не скоро, — ответил Сэм, подумав. — Или ты собираешься эту машину как пожарную дальше использовать?

— Нет.

— Тогда и волноваться не о чем. Сам танк внутри полиэтиленом толстым отделан, так что ему все равно, пожарные рукава сейчас вообще выбросим — освободим место...

— А самим управлять?

— Твоей помпой: будем шланг внутрь закидывать. Кстати, откачивать из баков топливо можно и так тоже, если не удастся приделать заборный шланг к нашей «иголке».

— Ну... да, наверное.

Мне вообще понравилась идея с пожарной машиной: получается вроде как грузовик с супербаком, точнее, даже двумя баками. Не знаю, как там дальше все сложится, но есть подозрение, что такой автомобиль может и в будущем очень здорово пригодиться.

Сэм забрался в кабину, воткнул ключ. Машина завелась не сразу, но все же быстро. Пыхнула дымом, затарахтела мощным дизелем, завибрировала.

— Сэм? — окликнул я своего спутника.

— Что? — высунулся он из кабины.

— Заправлена?

— Полный бак, — ответил он и даже высунул в окно кулак с отставленным большим пальцем.

Хоть в этом повезло, за что большое спасибо.

— А на каких поедем? — спросил я.

Нас теперь двое на три машины. Он подумал минутку, потом сказал:

— Знаешь, я бы, будь моя воля, поехал бы на одной. Снял бы запаску с той машины, — он указал на второй «Мерседес», — и поехал бы. Все вместе, в одной большой кабине.

— А если сломается?

— Это не «Мерседес» твоей любовницы, это — «Уни-мог», — с оттенком иронии, как говорят с малограмотными, сказал Сэм. — Даже если он сломается, то все равно довезет нас туда, где мы сможем найти другую машину, да, сэр. Эти грузовики делают так, чтобы они если и ломались, то очень не сразу. А сейчас надо бы еще и кран прихватить: придется перегружать груз с яхты.

Я задумался. Вообще-то некий смысл в его словах был. Нас мало, если ехать на двух машинах, то стрелять сможет только один, а если на одной — то двое. Рискнуть? Пока с машинами у нас больших проблем не было: все, на чем мы ехали, не ломалось. И не так уж туда далеко, максимум

две с половиной тысячи километров, а можно и короче добраться.

Черт с ним, выигрыш больно велик. Так и сделаем.

Запершись изнутри в гараже, взялись за дело. Сбросили запаску с крыши второго «Унимога», подкатили ее к дверям. Надо ее теперь аж на крышу закинуть, а для этого балка нужна, и следует ворота открыть. А они электрические. Или надо ручку крутить, но для нее один шпенек торчит, а где сама ручка — черт ее знает. К счастью, ворота были вроде поднимающейся шторки, прочности более чем умеренной. Мы их крюком троса подцепили, двинули машину назад, и огромное полотно с треском вырвалось из направляющих, а затем просто рухнуло на бетонный пол. Через ворота в ангар упал свет, и, к удивлению своему, я обнаружил, что дождь прекратился, а где-то вдалеке, у самых вершин гор, в тучах появился просвет, через который было видно голубое небо.

— Давай, покати колесо к грузовику, — сказал Сэм.

На всякий случай я высунулся наружу из ворот и заметил несколько зомби, направляющихся в нашу сторону от торгового центра. Пока еще метров двести до них, но скоро будут здесь. Стрелять и шуметь не хотелось: про то, как выстрелы привлекают внимание оживших мертвецов, я уже все выучил.

Когда с колесом справились, Сэм побежал за «Унимогом», а я вытащил из джипа прихваченную с собой М-16 с оптикой и вскарабкался в кузов грузовика — все позиция побезопасней. С мертвецами вообще так: чем выше — тем лучше. К тому же крыша кабины дает хороший упор.

Дальше Сэм грузил, а я стрелял. Стрела «Ивеко» поднимала тяжелое колесо, мой мотоцикл, обвязанный нейлоновым тросом, моток шланга с помпой — наш заправочный агрегат, найденный шкафчик с инструментом и какими-то запчастями, который легко катался на колесиках. Каждый раз Сэму приходилось по лесенке карабкаться на крышу пожарной машины, отцеплять груз от крюка и как-то прилаживать его там. Не быстрый процесс, и, когда он закон-

чился, я уже изрядно нервничал. Отстреливать наступающих зомби у меня пока получалось, ближе чем на пятьдесят метров ни один из них еще не подошел, но со стоянки уже валила целая толпа, грозя нас захлестнуть, как морской прибой песчаные куличики.

Я уже хотел крикнуть: «Бросай все, что не успели, и сматываемся!» — как Сэм сам крикнул мне:

— Закончил!

— Валим отсюда быстро! — заорал я с облегчением.

Сиганул из кузова на землю, так что чуть не свалился, влез в кабину «мародера», с облегчением выдохнув. Взревел дизель, грузовик увесисто и солидно тронулся с места, развернулся на кругу и по короткому бульварчику выбрался на развязку у шоссе. Следом пристроилась красная пожарная машина. Спустились на «карретеру» и поехали дальше, по указателю «Пуэрто-Банус».

На пляже «Унимог» остановился возле того самого зомби, от которого с утра мы уехали на машине. И Сэм его застрелил: хлопок кольца получился совсем негромким на фоне шума моря и ветра, — а затем Дрика забрала нас на лодке.

26 мая, суббота, вечер
Коста-дель-Соль,
спортивный порт в Пуэрто-Банусе

— Все, подходящая машина у нас есть, — сказал Сэм за ужином в салоне «Проныры». — Мы можем собирать топливо по всему побережью и возить сюда, на яхту, или просто поехать по дорогам. Пора решать.

— Я уже высказывалась, — сказала Дрика, быстро прожевав кусок сэндвича. — По дороге. Не могу больше ждать, пока одна здесь сидела — чуть с ума не сошла.

— Ты что скажешь? — повернулся Сэм ко мне.

Я вздохнул, тяжело задумавшись. Яхтой все же безопасно, но очень долго, это огромный кусок Европы надо обходить на малой скорости. И на заправку судна еще прорва време-

ни уйдет — наверное, несколько дней. А машиной дорога почти прямая.

— Мне еще от Амстердама до Москвы добираться долго, — сказал я. — А я понятия не имею, что там с моими. Так что я предлагаю на машине. Найдем маму Дрики, а потом рвану на Москву. Кстати, Сэм, а ты что планируешь?

— С тобой поеду, наверное, — сказал он задумчиво. — Меня ничто нигде не держит, а в том, чтобы все время катиться по поверхности земли, как игральная кость по столу, есть какой-то смысл. По крайней мере, я этот смысл научился видеть, да, сэр. Сначала в Москву, а потом — погляжу. Может быть, поеду куда-то еще.

Вот вроде бы и решили все как надо. Консенсус достигнут. Завтра сядем вместе в одну машину, перельем в ее танк солярку из яхты да и поедем.

— Надо немного с машиной повозиться, — сказал Сэм. — Проверить, что можно, перед дорогой и все лишнее с нее снять, чтобы не перегружать. Как бы нам это сделать?

— Можно к ирландцам в гости напроситься, — сразу предложил я. — Пока я буду с ними пить пиво и петь «Bugger off», ты вполне можешь заниматься грузовиком. Верно, Дрика? — обернулся я к девушке.

— Разумеется, — уверенно сказала она. — Никогда не была на пикнике в старой крепости.

— Кстати, ты сейчас на пиво сильно не налегай, — кивнул я на банку в ее руках. — Тебе завтра прикрывать погрузку: возиться будем долго. Пока топливо перельем, пока весь груз перетаскаем...

— Может, другое место найти? — вскинулась она. — Где мертвецов поменьше?

— Не вижу смысла, — покачал я головой. — Мы загоним грузовики на вот этот пирс, который к стенке порта прилегает, и к нему же пришвартуем «Проныру». Тебе придется стрелять в одну сторону, а мертвецам надо пройти метров... там метров пятьсот будет, пожалуй.

— Да? — присмотрелась она к месту, на которое я показал. — Верно, можно отбиться.

Меня все время подмывало спросить Дрику, что она будет делать, если мы так и не найдем ее мать, но я благодарно сдерживался. Девушка и так извелась: по ней видно, даром что старается скрывать свое состояние. Подкидывать ей лишних страхов точно не нужно. А с другой стороны, хочется как-то подготовить ее и к худшему варианту — всякое может случиться. Может даже случиться такое, что мы найдем ее мать, но в виде ожившего мертвеца. Очень даже может, потому что большинство людей на земле стали именно такими, и лишь жалкое меньшинство вроде нас оставались в живых. Теория вероятностей работает не в нашу пользу в этом случае, куда проще предположить исход печальный.

Хотя каких только чудес на свете не бывает. Никаких вестей из Нидерландов мы не получали, а гадать на кофейной гуще — занятие неблагодарное.

— Надо маршрут детально проработать еще, раз сейчас время есть, — сказал я. — Чтобы не хуже, чем у меня от Аризоны до Порт-Артура, был проложен. Места привалов, потенциальные угрозы, альтернативные пути — все подробно.

— Верно, — сказал Сэм, — давай займемся.

— Кстати, — сказала Дрика, поднимаясь с кресла и спихивая на пол разомлевшего у нее на коленях кота, — в порту есть пара мутантов. Они сожрали мертвеца как раз вон там. — Она указала рукой на полускрытый от нашего наблюдения перекресток.

— К лодке пробраться не пытались? — насторожился я.

— Нет, — покачала она головой, и свободно свисающие пряди светлых, почти белых волос хлестнули ее по глазам. — Один пытался наблюдать, но я в него несколько раз выстрелила и даже, как мне кажется, попала. Потом они исчезли.

— Ладно, в любом случае их следует иметь в виду, — сказал я, подразумевая на самом деле, что иметь «суперов» в виду следует теперь постоянно — достаточно вспомнить наше сегодняшнее приключение, а заодно и мое суматошное проникновение в магазин электроники.

27 мая, воскресенье, утро
Коста-дель-Соль,
спортивный порт в Пуэрто-Банусе

Опыт вождения грузовиков у меня никакой, разве что тот эвакуатор из Хьюстона, но он был куда короче. Поначалу никак не получалось чувствовать габариты при движении задним ходом. Так вроде все нормально, но вот задом по узкому и изогнутому пологой дугой пирсу было как-то страшновато, все время казалось, что не вырулю и свалю машину в воду. Из-за этого часто останавливался, а Сэм, едущий следом и тоже задом наперед, подгонял меня по рации. Но под конец вроде приноровился и остановился именно там, где и требовалось.

После нашего сигнала «Проныра» заработал винтами и медленно двинулся к причалу. А я смотрел на него и думал о том, что привык жить на борту. Так там все... уютно, комфортно, тепло и безопасно. Шторм, кстати, к сегодняшнему утру тоже совершенно стих, море было мутноватым и взбаламученным, но вполне спокойным, это было словно приглашение изменить планы и отправиться вплавать. Я даже заново поразмыслил на эту тему, но понял — нет, лишних двух, а то и трех недель у меня нет. Почему? А мне так кажется, я это чувствую. Мне *надо* домой. И чем быстрее — тем лучше.

Заскрипели резиновые кранцы, свисающие с борта яхты, о бетонный пирс, мы с Сэмом быстро навертели швартовые концы на причальные тумбы, подтянув яхту. Все, грузимся. Все приготовили еще с вечера, вытащили почти что на палубу, увязали тросами, теперь только цепляй краном «маро-дерки» да и грузи.

Дрика уже привычно заняла позицию с винтовкой на мостике, прикрывая проход по пирсу. Но место, как я вчера и сказал, было «незომбоопасным», редкий мертвяк сумел бы пройти хотя бы половину расстояния от большого ангара с лодками, откуда и начиналась стена порта, до нас. Разве что мутант какой из вчерашних — тех, что Дрика видела,

сколько-нибудь проскакал бы, но мутанты осторожны, насколько мы успели заметить. Да и все равно не доскакал бы: полверсты открытого пространства — не шутка.

Имущество запикивалось в пожарную машину с некоторым трудом: свободного места в ней оказалось не так уж много, а барахлом мы все же обросли. Особенно восхищал меня мотоцикл на крыше: как его оттуда спускать, случись такая надобность, — ума не приложу. Подняли-то краном, а вот обратно... Ладно, потом что-нибудь придумаем.

Первый выстрел Дрика сделала только через полчаса после того, как мы начали возиться на пирсе. Похоже, зомби вдаль особенно не смотрят, и, если ты за пределами их «области интереса», риск их появления резко снижается. Это если не шуметь. А вот первый выстрел как раз был шумом, и мертвецы с набережной, на которых уже давно перестали обращать внимание, понемногу потянулись к пирсу. Но очень понемногу, потому что после первых сваленных выстрелами Дрики большинство из них развернулось и пошло назад, на пирс же направились самые тупые из них, предоставив голландке возможность поупражняться в стрельбе на дистанции от трехсот до пяти-сот метров.

Пока грузились, взмокли как мыши. Несмотря на механизацию процесса, возни все равно хватало, даром что заранее подготовились. Но часа через полтора весь наш груз был распределен по пожарному «Унимогу», и дело осталось за малым — перекачать топливо из танка лодки в танк машины. Ускорить процесс даже новая техника не могла бы — шланг надо было пропихивать по загогулистой траектории, так что всю работу выполнял наш старый добрый ручной насос, на что ушло еще полтора часа посменного вращения тугой рукоятки. После того как перекачали солярку и из бака «Ивеко», оставив в баке столько, чтобы хватило километров на пятьдесят, танк пожарной машины почти что заполнился.

— Можно ехать, — сказал Сэм.

— Можно, — подтвердил я и крикнул: — Дрика, сворачиваемся!

Она кивнула, подхватила винтовку и kota и направилась к трапу.

Я попрощался с «Пронырой», который сумел перевезти нас через Атлантику, и полез в кабину «Унимога». Все, очередной этап нашего похода позади. Мы добрались до Европы, мы приготовились к новому броску, и вот мы поехали. Сэм уселся за руль, зарычал дизель, и грузовик неторопливо поехал по пирсу. Свернул направо, оставив справа от себя большое здание с конторами яхтенных брокеров, сбил могучим бампером шлагбаум на выезде, проехал по бульвару, обогнув нечеловечески уродливую статую работы великого скульптора Зураба Церетели, своим видом как нельзя больше соответствующую случившемуся концу света и нашествию зомби, и вскоре машины выбрались на трассу. Я тщательно рулил «мародером» впритирку к пожарке, и вроде пока получалось.

Впрочем, сейчас нам недалеко ехать: мы к ирландцам в гости, а вот уже завтра с утра — в путь.

Грузовики проскочили темный и мрачный тоннель, выехали на широченную шестиполосную дорогу и покатали вперед.

27 мая, воскресенье, день
Старинный форт возле г. Фуэнхирола

Ирландцы нас в крепость впустили. Более того, на этот раз даже дали закатить машины внутрь, узнав, что мы приготовили «мародера» им в подарок. А что еще делать с этим грузовиком? А им пригодится, раз уж они собирают добро по всему мертвому побережью: машина полезная, сам увидел — сам украл. Таких тут много, но и эта лишней не будет, как мне кажется, с доставкой-то на дом.

Сэм, естественно, занимался модернизацией пожарной машины не в одиночку: несколько местных взялось ему помогать. Выбросить с нее много удалось — одни шланги

тянули на центнер, наверное, учитывая шланг для забора воды, толстый и жесткий. Никак не удалось приспособить к нему нашу «иглоку», поэтому от механизации процесса откачки топлива из брошенных машин пришлось отказаться — будем и дальше ручку крутить. От пожарного оборудования остались только бочка и снимающийся с машины переносной генератор, которому мы обрадовались. Потому что американский, который мы так и тащили с собой, европейским электроприборам никак не соответствовал — мы его просто на «Проныре» оставили.

Зато освободился обширный багажный отсек, закрывающийся металлической шторой, в который удалось поудобней разложить наш груз. Багажное отделение на крыше тоже уложили аккуратней, с мотоцикла слили бензин, который сочился через пробку и вонял. На этом и завершили.

Вообще машина внушала уважение, а просторная светлая кабина так и вовсе очень понравилась: троим в ней самое настоящее раздолье. Я еще пригляделся к ней повнимательней на предмет того, как в будущем укрепить ее решетками, и понял, что проблем никаких нет. И окончательно в этом убедился после того, как Сэм с каким-то парнем подтащили сварочный аппарат и приварили нетолстую решетку на наружный каркас безопасности, прикрыв ветровое стекло.

— Ладно, прорвемся, — заключил я, оглядывая наш трофей. — Не танк, но все равно солидно. Кого хошь задавим.

Ближе к вечеру возню с машиной закончили, а заодно сторговали «мародер» Дэйву, который на этот раз торговался не сам, а с помощью некой его подружки по имени Трейси, манерой одеваться и причесываться похожей на располневшую и перезрелую принцессу из детской сказки. Эдакая Златовласка килограммов на девяносто. Я хотел махнуть грузовик на пулемет, но все вышло как всегда — изобилие брошенного транспорта делало такой товар не слишком ценным, а пулеметов было мало. Договорились лишь на то, что нам танк на «Унимоге» дольют под пробку,

ну и консервами мы неплохо разжились, а заодно испанскими копченостями. Они у испанцев вообще ужасно вкусные, копчености эти самые.

Еще нам подкинули в дорогу три ящика пива и ящик хорошего красного вина, а в довершение всего — почти новую ручную лебедку: мы с ее помощью мотоцикл с крыши спускать сможем. Ну и все, что удалось добыть. И за то спасибо.

Вечер, естественно, застал нас в местном пабе — скоплении столиков у торгового киоска. Там собралось почти все население крепости, за исключением разве что караула. Пили все много, потом запустили генератор, обеспечив свой паб электричеством, и плавно перешли на караоке, начав, разумеется, с ирландского аналога «Степи да степи кругом» — такой же печальной «Fields of Athenry».

— Тебе столиков сюда еще не надо привезти? — спросил я у присевшего к нам за столик Дэйва. — Места много, а народу тесно.

— Ирландцам не бывает тесно, — решительно заявил он. — У меня одиннадцать братьев и сестер, а выросли мы в домике с двумя спальнями. Прикинь, как там было? Отсутствие тесноты нам подозрительно на генетическом уровне.

После упоминания о семье Дэйв заметно погрузнел и быстро покинул наш столик, взявшись помогать бармену — темноволосому круглолицему коротышке по имени Грег, и его помощнице — тоже круглолицей и очень симпатичной девочке с крашеными черными волосами и в полосатом платьице — типичной эмо, — которую звали Джорджия.

Потом к нам подсели Наполлион и «Бруйн», оба пьяные в дым, долго трясли мне руки, хлопали по плечам, но о чем мы беседовали, я так и не понял, да и они, кажется, тоже не очень. Ну и ладно, главное, что оба были чрезвычайно дружески настроены.

Спали мы в крепостной башне, на надувных матрасах и завернувшись в спальники. Пахло морем, было тепло, только комары немного доставали.

28 мая, понедельник, утро
Андалусия, автотрасса «Сьерра-Невада»

Выехали с рассветом, причем за рулем сидел я — Сэм настоял, хотя как водителю грузовика мы ему доверяли куда больше. Но «отработка взаимозаменяемости членов экипажа» — тоже дело полезное, с этим грех спорить.

Как я говорил, за исключением эвакуатора, мне еще не приходилось толком водить грузовики, старый армейский случайный опыт не в счет. Было непривычно сидеть за рулем так высоко над дорогой, при этом видеть ее практически под ногами — машина почти что бескапотная. Но в остальном — ничего сложного, мотор тянул машину легко, руль лежал в ладонях вполне комфортно, сиденье с амортизатором баюкало задницу — в общем, все в норме.

Людей поначалу вообще не видели, разве что проехали через уже знакомый опорный пункт военных на перевале, но они нас даже не притормозили — только так, вгляделись в лица через стекло. Справа осталась Малага, мы проскочили мимо нее по опустевшей окружной дороге. В городе было пусто, мертво, мрачно, серо, на некоторых из выездов на шоссе мы видели большие пробки. Людям не повезло: похоже, шел тотальный ремонт этой самой окружной, и узкие, огороженные бетонными блоками проезды просто не выдержали потока бегущих. Что творилось тогда в этих местах — не хотелось даже представлять.

Дорога пошла на Гранаду и почти сразу за Малагой начала понемногу карабкаться на подъем — приближались горы Сьерра-Невада. В которых, кстати, Серджио Леоне снимал все вестерны с Клинтом Иствудом. А сцены в пустыне снимал восточней, но тоже в Испании, а ни в какой не Америке ни разу.

У поворота на Антекеру мы увидели еще один опорный пункт военных, тоже на двух БМП и двух внедорожниках URO. Похоже было, что они выставили посты по периметру заселенного людьми района: как раз с этого места дороги начинали карабкаться вверх, превращаясь в серпантин.

Потом вновь наступило полное безлюдье. Горы, дорога, небо над головой. Становилось жарко, не хуже чем в Аризоне, — хорошо, что машина с кондиционером. Часто въезжали в туннели, пугавшие своей почти непроницаемой темнотой, но ничего страшного не случилось. Пару раз видели небольшие скопления зомби, один раз пришлось толкнуть бампером сцепившиеся легковушки. В одной из них при этом бесновался разбуженный мертвец, изнутри бросаясь на стекло и колотя по нему руками. Дрика высунулась в окно и выстрелила в него прямо через стекло.

— Зачем? — спросил я, когда машина уже прорвалась через затор и ехала дальше.

— Не знаю, — ответила девушка неуверенно. — Как-то очень жутко это... превратившись в живого мертвеца, остаться в запертой машине навечно, да еще и в полной темноте. Лучше уж так.

— Хм... может быть.

Дорога петляла и петляла среди гор. Я даже как-то не знал, что они здесь такие большие — скалистые, поросшие местами лесом, тяжелые и огромные. Вновь увидели людей мы возле Хаена, причем довольно много: целая колонна грузовиков и пикапов выстроилась вдоль обочины дороги. Люди выглядели... буднично, что ли, заведомо неагрессивно, хоть и вооружены были все поголовно, кто чем.

Остановились. Оказалось, что мы угодили в центр большой коммерческой операции — с побережья приехали машины от рыбаков менять, естественно, рыбу на какую-то местную продукцию. Уже и торговля натуральная появилась — быстро мы скатились в Средневековье.

Крепкий круглолицый небритый мужик по имени Пепе, что на самом деле было короткой версией от Хосе, рассказал, что в долине между хребтами люди живут вполне нормально. Здесь городки маленькие, от мертвецов отбились быстро, а из-за гор и малого количества дорог, которые легко перекрыть, зомби в эти края не доходят. Разве что перешли на самообеспечение, но эта проблема тоже неве-

лика: тут основой хозяйства всегда было скотоводство. Не голодают, в общем.

В это верилось легко — раньше тут вообще разбойничьи места были. Один из местных «авторитетов» прославился фразой о том, что король правит в Мадриде, а в горах правит он. Так и было, в сущности, места здесь и до сих пор диковатые — даром что Европа. Удивило то, что есть люди и на побережье. Как нам объяснили, прекрасно выжили места не престижные и не курортные — те, где народу было раз-два и обчелся. Рыбаки там проявили предприимчивость, перегнав в свои порты до кучи и траулеры из мест гиблых, чтобы добро не пропадало. Заодно получила разгадку мистерия «кто слил все топливо со всех яхт». Сделали это рыбаки с юго-восточного побережья — вот эти самые, что привезли рыбу. Прошли неторопливо и методично, в несколько заходов, на добрых двух десятках траулеров по всем доступным портам да и слили в бочки. И заодно сумели угнать из порта Валенсии танкер, который теперь стоял на рейде у гавани крошечного городка Сан-Хосе.

Что с другой стороны гор делается, сказать никто не смог: сами они за пределы перевала не выбираются, и на выставленную там заставу тоже почти никто не приходит. Живут сами по себе, как на необитаемом острове. Хорошо хоть так — большинство и вовсе уже никак не живет.

В общем, приняли мы в дар большую банку маринованных с зеленью оливок, крупных, треснувших сбоку, одуряюще пахнущих, поблагодарили добрых людей и дальше поехали, поплеывая большими шершавыми косточками в окна.

Затем горы закончились, и потянулась Ла-Манча, Кастилия, самый центр Испании, плоский как стол, даже не как стол, а как лист стекла, на этот самый стол уложенный, и жаркий, как печь. Дорога шла вперед почти без поворотов и изгибов, огибать было нечего — ни бугорка, ни единой неровности. И ни одного населенного пункта ближе чем в километре от нее, поэтому и угадать не получалось, живы здесь люди или нет. Зато по обеим сторонам дороги тяну-

лись бесконечные поля, а каждый километр мы встречали по указателю, приглашающему свернуть с дороги, для того чтобы закупиться отличным вином и сыром «манчего» — одним из испанских деликатесов. Хотя сомневаюсь, что эти указатели еще актуальны, это осталось от мирных времен.

Была середина дня — самое жаркое время, то есть сиеста, и уважающий себя испанец не должен сейчас проявлять никакой активности, разве что за обеденным столом и после обеда в спальне с женой, как это раньше было в этих краях в традиции. Это не от лени, что бы там ни думали, а из-за жары — находиться крестьянину в поле в такой зной невозможно, солнечный удар гарантирован, поэтому работали с утра пораньше и потом ближе к вечеру, когда становилось прохладней. Ну а уже потом просто сохраняли традицию, потому как очень трудолюбивыми испанцев все же не назовешь, и главное слово здесь — «маñaña», то есть «завтра». Эдакая постоянная устремленность в будущее.

Дрика время от времени включала рацию пожарной машины в режим сканера, и иногда мы принимали обрывки каких-то разговоров, но ничего интересного не выловили из них. Разве что в очередной раз убедились, что земля опустела не окончательно.

Мадрид появился перед нами ближе к вечеру, точнее, к концу сиесты. Огромный город с широко раскинувшимися пригородами, застроенными промзонами и складами, бесчисленными мебельными фабриками и много чем еще, был мертв. Точнее, мы увидели людскую активность в индустриальных зонах: люди вывозили оттуда все полезное и даже, как нам показалось, оборудовали несколько постоянных баз, но сам город был мертв. Об этом предупреждали огромные плакаты — они говорили, что дальше только «los muertos vivientes», и никого больше.

Мародеры были доброжелательны и незлобны: видя, что мы не претендуем на их добычу, а едем себе мимо, многие махали руками, иногда даже свистели вслед. Пару раз над головой пролетали военные вертолеты, что-то выискивающие в огромном мертвом городе, но на нас никакого вни-